

Тайна похищенной башни

Автор:

Александр Рудазов

Тайна похищенной башни

Александр Валентинович Рудазов

Мудрецы #2

Волшебники умеют колдовать. Одни хуже, другие лучше. Каспар, Бальтазар и Мельхиор – великие волшебники, поэтому колдовать они умеют великолепно.

Но больше они не умеют ничего. Дело в том, что они не только великие, но и очень-очень старые волшебники. Старость никого не щадит. Эти трое постоянно забывают, где они сейчас находятся, какой сегодня день и сколько ног у сороконожки. Они даже собственные имена вспоминают только изредка.

Зато колдовать они умеют великолепно. Нужна лодка – наколдуют круизную яхту с командой и пассажирами. Нужно выкопать яму – наколдуют горнопроходческий комбайн. А уж что получилось, когда они захотели отведать черепашьего супчика...

В общем-то колдовать они ни черта не умеют.

Александр Рудазов

Тайна похищенной башни

Хомяк – грызун, вредитель хлебных злаков и огородных растений.

Толковый словарь Ожегова

Хомяк – высшая форма жизни и носитель абсолютного разума.

Орто Матезис Сцентия

Глава 1

– Кто пукнул?

Чертанов ничего не ответил.

– Кто пукнул? – повторил Колобков, зажимая нос. – Серега, это ты пукнул? Тебе не стыдно?

– Это не я, Петр Иванович.

– Значит, негр. Серега, скажи этой черножопой макаке, чтоб не портил воздух, а то ведь я и врезать могу.

Чертанов грустно вздохнул, глядя на возмущенного шефа. Хорошо, что туземцы не понимают ни слова из его тирад. А то бы обиделись, наверное. Людям редко нравится, когда их называют макаками.

А Петр Иванович после событий в Наранно вообще перестал называть юберийцев по-другому.

– Нет, Серега, вот ты как хошь, а я все никак не привыкну, что тут кругом одни негры! – громко пожаловался Колобков. – Ты меня правильно пойми – я не расист, но негров ненавижу!

– Это потому что из-за них у вас теперь ноги нету? – кисло спросил Чертанов.

– Ага. А еще они нас с тобой сварить пытались. И дочку у меня сперли. И яхту мою бомбили... камнями какими-то горящими. Не, ну ты рассуди сам! Меня даже

налоговая так не прижимала!

Что ж, шефа можно понять. За последнее время он только и делал, что выкручивался из разных неприятностей – в полном соответствии с фамилией. Спасся из котла племени Бунтабу – правда, только с помощью Гюнтера Грюнлау. Вернул похищенную дочь – правда, заполучил в нагрузку гигантского хомяка-людоеда. Вышел победителем из морской баталии – правда, лишь чудом не отправился ко дну.

Но вот оттяпанная нога... да, такое действительно нелегко простить.

Здоровенный юбериец произнес несколько слов, недовольно поглядывая на клиента. Колобков требовательно дернул подбородком в сторону Чертанова.

– Он просит, чтобы вы сидели спокойно, Петр Иванович, – равнодушно перевел тот. – Он не может закрепить ремни как следует, пока вы так возитесь.

– Скажи этому негру, чтоб работал и не рыпался, – хохотнул Колобков, обмахиваясь панамой. – Солнце еще высоко!

Чертанов вяло произнес несколько слов по-юберийски, утирая со лба пот. Жарко сегодня. В городе Чревалидо концентрация тепория еще выше, чем в Наранно. На улицах настоящее пекло. Сходя на берег, Колобков не стал надевать даже майку – только широченные шорты до колен и белую панаму. Туземцы тоже ходят полуголые.

Хотя насчет солнца шеф, конечно, ошибается. Солнца на небе нет. Крейсерская яхта «Чайка» с командой и пассажирами по-прежнему находится на Эйкре. В удивительном мире, лишенном таких привычных землянам понятий, как «космос», «планета», «звезда» и любых других астрономических объектов.

Эта вселенная бесконечна не в трех измерениях, как бывает обычно, а только в двух. В длину и ширину. В высоту же Эйкр относительно тонок. Всего лишь сто восемьдесят километров – микроскопическая по космическим меркам величина.

Вместо солнца Эйкр освещается самосветящимся квазигазом тепорием, равномерно разлитым в атмосфере. Он же обеспечивает пригодную для людей

температуру. Именно благодаря теплоте на Эйкре существует жизнь.

Яхта «Чайка» все еще не покинула территориальные воды Юберии. Но покинет в ближайшее время. Слишком уж крупная заварушка вышла в Наранно и заливе Кармелия. Вполне может случиться, что неприятности настигнут их уже здесь. Задерживаться дольше чем на несколько часов будет непозволительной роскошью.

Единственной серьезной причиной для захода в порт стала нога шефа. Из-за раздавившего ее робоскафа «Амацумара» Петр Иванович Колобков превратился в калеку. Стефания отыскала среди порошков Бальтазара какую-то присыпку, мгновенно снявшую боль и в считанные часы заживившую рану, но новая нога от этого не выросла. Горестно вздыхая и оплакивая утрату, Колобков согласился надеть на культю протез.

Даже в богатых запасах Угрюмченко не нашлось такой экзотической запчасти, как деревянная нога. Но, по счастью, нужный мастер без труда сыскался в ближайшем же порту. Целая лавка искусственных конечностей, вставных глаз, деревянных носов и даже вставных челюстей. На любой вкус и кошелек.

Конечно, Петр Иванович не пожелал мелочиться. Раз уж таскать теперь деревяшку – так наилучшую деревяшку. Шеф приобрел самую дорогую модель – из красного дерева, покрытую каким-то редким лаком, с каучуковой набойкой.

А за небольшую доплату протезист с готовностью согласился подогнать протез под заказчика. Пообещал, что будет сидеть, как родная нога.

– Серега, нефиг тебе бездельничать, сгоняй, купи мне шаурмы, – строго приказал Колобков, оттягивая шорты и почесывая объемистый живот. – Зверски пахнет!

Чертанов сунул руку в карман, перекатывая между пальцев тяжеленькие шарики. Если бы юберийские власти спросили его мнения, он бы сказал, что чеканить деньги в такой форме – непродуманное решение. Неудобно же. Монеты вообще не лежат спокойно – так и норовят укатиться.

И различать их не так-то просто. По размеру все шарики одинаковы, никаких надписей нет. Отличаются только металлом, из которого отливаются. Самая

крупная монета – золотая моцарена. Поменьше – электроновая лаиса. Еще меньше – серебряная соуга. И самые мелкие – бронзовая чальга и медная фугата.

У Чертанова при себе только бронзовые и медные шарики. Шеф выдал горстку мелочи на карманные расходы. У него самого карман, конечно, плотно набит золотом и электроном – как же иначе? Дома баксы отовсюду торчали, тут вот золотишко...

Но на шаурму много денег не надо. И пахнет действительно соблазнительно – аж слюнки текут от этого аромата. Уличный торговец приветливо оскалился покупателю, сверкает белоснежными зубами.

Хотя это никакая не шаурма. Больше похоже на шашлык. А еще больше – на американское барбекю. Стоит у стены пышущий жаром гриль, на нем – треугольные мясные ломти, истекающие соком. Рядом лепешечник со своим лотком. И виноторговец тут же примостился – разливает по глиняным пиалушкам разбавленное вино.

Своего рода юберийский фуд-корт.

Чертанов принес шефу большую лепешку и два куска мяса, завернутых в пальмовый лист. И себе взял один. Вкусно. Хорошо прожарено, в меру посолено.

– Хлеб у этих папуасов какой-то стремный... – высказался Колобков, смачно чавкая. – Из овса, что ли?..

Сисадмин неопределенно пожал плечами. Вроде бы да, по вкусу похоже. Хотя это вряд ли именно овес – скорее какой-то родственник злак.

Мясо ведь они едят тоже не говяжье, не баранье, не свиное. Даже не конину. Сейчас Чертанов с шефом наслаждаются жареной ящерятиной. В Юберии все домашние животные – птицы или рептилии. Динозавры таскают повозки, пахнут землю, на них ездят верхом и употребляют в пищу.

Разве что шерсти с них не дождешься. Шерсть юберийцы собирают в горах – с диких баранов, чешущихся о скалы. Стоит она довольно-таки дорого.

Зато у рептилий есть другие преимущества. Вот взять хоть это барбекю – оно из хвоста одной местной чешуйчатой зверюги. Юберийцы разводят на мясо крупную травоядную ящерицу, похожую на варана-переростка. И не забивают, а всего лишь «стригут». У этих животных очень толстые и мясистые хвосты. Время от времени их отрубают, получая пятнадцать-двадцать килограмм превосходной вырезки. А через три-четыре месяца хвост отрастает вновь.

На редкость выгодная скотинка.

– Перекусили, – поднялся на ноги Колобков, постукивая оземь деревянной ногой. – Тык-с, тык-с, тык-с... Ну ничего, ходить вроде можно. Хотя и неудобно. Но ладно уж, приловчусь как-нибудь.

Юберийский мастер дважды обошел вокруг клиента, придирчиво рассматривая содеянное, и что-то спросил.

– Чего он говорит, Серега?

– Спрашивает, довольны ли вы его работой.

– Скажи, что доволен, – важно кивнул Колобков. – Бабулек, конечно, этот черножопый гад с меня стряс порядочно, но ничего, на себе не экономят. Слышь, Серега, а вот ты как думаешь – может, мне золотую заказать? [цензура] нога будет! Мужики дома в осадок выпадут! Спроси у этого негра – может он мне золотую сварганить?

Чертанов послушно перевел. Протезист удивленно вылупился на Колобкова, а потом весело рассмеялся и приложил пальцы к ушам, показывая, что понял шутку. Чертанов помотал головой и пояснил, что льке Колобка спрашивает совершенно серьезно. Мастер присвистнул, почесал подбородок и неохотно произнес несколько слов.

– Он говорит, что был бы счастлив исполнить желание такого драгоценного клиента, но ему не позволяет сделать это профессиональная совесть, – перевел Чертанов. – Конечно, он может отлить искусственную ногу из золота, хотя это и потребует немало времени. Однако драгоценный клиент совершенно точно не останется доволен таким протезом.

– Это почему? Круто же! Все гайки и цепуры пролетают со свистом!

– Пролетают. Только проблема в том, что золотой протез будет весить больше, чем вы сами. Все равно, что гирию к ноге привязать.

Колобков замер с полуоткрытым ртом. Об этой стороне дела он не подумал.

– Хотя, может быть, и не больше... – задумался Чертанов, рассматривая кругленького шефа. – Плотность золота вроде грамм двадцать на кубический сантиметр... или меньше?... Не помню навскидку, надо у Светланы Петровны проконсультироваться...

– Серега, не капай мне на мозги, – поморщился Колобков, взвешивая в руке трость из красного дерева. – Хорошая палка. Тоже беру.

Протезист широко улыбнулся, принимая оплату. Колобков постучал тростью оземь, прошелся взад-вперед, ощутимо припадая на правую ногу.

От стены отделился простоявший там почти полчаса Валера. Здоровенный телохранитель каким-то образом умудрялся оставаться практически невидимым, но сам видел и слышал все.

– Уяк, – коротко произнес он, легонько, но настойчиво направляя Колобкова в нужном направлении.

Чертанов покосился назад. Да, пора уходить. В конце улицы показались два шотелида – их мгновенно узнаешь по табельному оружию. В Юберии этот род войск играет роль ОМОНа, и с ними нежелательно связываться без веской причины.

Подойдя поближе, стражи порядка наверняка обратят внимание на столь необычных здесь белокожих людей. До Чревалидо еще не дошли известия о случившемся в Наранно, но на рожон все равно лезть не стоит. Неизвестно, сколько пройдет времени, прежде чем местные власти таки получат сведения о новоявленных бунтовщиках. Или кем там теперь официально считается экипаж «Чайки».

А остаться незамеченными на здешних улицах довольно сложно. Все вокруг чернокожие. Трое белых на улице Чревалидо – все равно что африканцы на улице средневековой Москвы. Прохожие косятся, шепчутся, поглядывают с опаской.

Одна молодая юберийка при виде троицы путешественников торопливо подтянула к себе маленькую девочку. Та споткнулась и заплакала. Мама укоризненно погрозила ей пальцем, указала другой рукой на Колобкова и что-то быстро затараторила.

– Чего она там базарит, Серега? – заинтересовался Петр Иванович.

– Говорит дочери, что если та не замолчит, то она отдаст ее страшному белому человеку на одной ноге.

– Это мне, что ли?!

– Наверное.

– Ну ни фига себе расклад! Серега, ты ей переведи, что дочка ейная мне на хрен не сдалась. Своих спиногрызов четверо. А вот ее саму я бы в какой-нибудь кабак сводил. Или в баню тоже можно. Ничего папуаска, на рожу приятная. Прямо как та... ну как ее?.. ну которой «Оскара» еще дали!

– Холли Берри, что ли?

– Ага, точно. Переведи ей про баню, Серега.

Чертанов пожал плечами, подошел к отшатнувшейся юберийке и послушно перевел предложение шефа. Бедная женщина дико задрожала, глядя на улыбающегося Колобкова широко распахнутыми глазами, а потом молча прижала к себе дочь и умчалась вниз по улице.

– Ну и хрен с тобой, дура, – философски произнес Колобков. – Не хочешь в баню, ходи грязная. Да и я все равно женатый.

Мастерская протезиста располагалась совсем рядом с портом. Не прошло и десяти минут, как Колобков с переводчиком и телохранителем подошел к пирсу и пришвартованной к нему «Чайке». Над бортами издали были видны темнокожие фигуры. То местные плотники заделывали дыру на палубе и другие повреждения, полученные в битве при Наранно.

Гюнтер Грюнлау, торгующийся с юберийским купцом на языке жестов, приветственно кивнул деловому партнеру. Колобков тут же деловито проковылял к нему, выстукивая деревянной ногой настоящую морзянку.

– Гутен таг, Гюнтер! – махнул рукой Колобков.

– Петер, пожалуйста, не здоровайся со мной так, – поморщился Грюнлау. – Я же тебе несколько раз говорить, что твой акцент есть ужасно сильный. Я понимаю, что ты есть стараться, но тебе в самом деле не стоит говорить по-немецкий.

– Да не парься ты из-за фигни, – потер ладони российский бизнесмен. – Чего сторговал?

– Выгодно взял большая партия икры, Петер, – доложил бизнесмен немецкий. – Очень хороший и совсем недешево.

– Недешево?.. – нахмурился Колобков.

– Нет. Нет-нет! Einen Moment... недорого. Я иметь в виду недорого. Прости, Петер, я есть ошибиться слово.

– Тогда хорошо. Недорого – это всегда хорошо, – успокоился Колобков, тут же сунув нос в горшок с черной икрой.

Та действительно оказалась очень высокого качества. Конечно, не осетровая, а какой-то местной рыбы. Но на вид и вкус – почти такая же, как осетровая.

– Что наша жи-и-и-и-изнь?! – провыл Колобков шаляпинским басом. – Ик-к-к-к-кра-а-а-а-а!!!

К сожалению, икрой закупки и ограничились. Икрой и еще кое-какими продуктами – хлеб, сахарный тростник, бататы, ящик спелых персиков. Не было времени наладить нормальные торговые связи, как в Наранно. В трюме все еще лежат товары, взятые в предыдущем порту. И даже кое-что из приобретенного на острове Бунтабу – в основном жемчуг. Большую его часть «льке Колобка» благополучно обменял на золото и серебро, но несколько пригоршней все же осталось.

Грюнлау и чернокожий купец наконец закончили расчеты и распрощались, довольные взаимовыгодной сделкой. В трюм «Чайки» погрузили две дюжины тяжелых горшков с икрой, а в кошеле юберийца прибавилось полновесных моцарен.

– Василь Василич, подымай якорь! – скомандовал Колобков, с помощью Валеры взбираясь по трапу. – Право руля!.. Лево руля!..

Фабьев никак не отреагировал на эти выкрики. Бывалый штурман, он совершенно точно не нуждался в командах сухопутной крысы, с трудом отличающей переборку от фальшборта. То, что Колобков официально является капитаном «Чайки», еще не значит, что он способен выполнять капитанские обязанности.

К счастью, Петр Иванович и сам прекрасно это понимал. Все эти его «право руля» – просто обычный выпендрейж. Кому не хочется подняться на настоящий капитанский мостик и оттуда покомандовать настоящим судном? Колобкову этого хотелось с детства.

Разбогатец, он сумел осуществить давнюю мечту – можно ли его за это упрекнуть?

Поднявшись по трапу, судовладелец и капитан в одном лице сразу приуныл. На него уставилась белошерстная усатая морда с удлиненными резцами. В крохотных красных глазках светилась неприкрытая враждебность.

– Хуймяк... – свирепо процедил Колобков, глядя на своего заклятого врага.

Рикардо угрожающе оттопырил верхнюю губу. С тех пор, как заклятье сумасшедшего волшебника увеличило сирийского хомячка до размеров белого

медведя, Колобков возненавидел его пуще прежнего. Зато младшая дочь, напротив, стала обожать любимую зверушку сильнее прежнего.

– Кушай, маленький, кушай!.. – ласково приговаривала Оля, кормя гигантского хомяка с руки.

Колобкова аж передернуло. Крохотная одиннадцатилетняя девочка – и огромный белый зверь, деликатно берущий с хозяйской ладони буханку хлеба. У отца каждый раз екало сердце, когда он это видел.

За время плавания между Наранно и Чревалидо Колобков предпринял не одну попытку разлучить Олю с Рикардо. Хомяка-великана запирали в трюме, проблемную дочь – в каюте. Однако ни к чему хорошему это не приводило. Оля визжала и брыкалась, требуя вернуть драгоценного хомячка. Рикардо рычал и буйствовал, не желая расставаться с обожаемой хозяйкой.

В конце концов Колобкову пришлось смириться. Однако он распорядился, чтобы рядом с хомяком постоянно дежурил Грюнлау или Валера. И если проклятая зверюга вдруг нападет на любимую доченьку – стрелять на поражение, не жалея патронов.

– Оля, может, купить ему клетку, пока швартовы не отдали? – слабым голосом предложил Колобков. – Я тут видел хорошие клетки... там, правда, динозавров держат, но хуймяка тоже удержат... надеюсь...

– Папа, ему не нужна клетка, ему нужен ящик с песком! – пожаловалась Оля, расчесывая шерсть питомца черепаховым гребнем. – Очень большой ящик!

– Зачем? – рассеянно спросил погруженный в свои мысли Колобков.

– Затем, что он какает, папа!

– Ах да, конечно... Хуймяк какает... это проблема... – пробормотал Колобков, поворачиваясь спиной. – Хуймяк... спасу нет от этих хуймяков...

Тут его взгляд уцепился за еще одного грызуна. Семидесяти сантиметров роста, стоящего на задних лапах, с блестящей черной шерстью и длинным пушистым

хвостом. Одет в короткую юбочку-кильт и кургузый кафтанчик, за спиной рюкзачок. На шее фиал с высушенным цветком.

Лайан Кграшан, путешественник из народа хумахов, обитающего на острове Малый Кхагхост. Этот пассажир подсел на яхту в Наранно. Причем подсел сам, не спросив ни у кого разрешения.

Разумный грызун вел себя на борту так, словно прожил на «Чайке» всю жизнь. Без малейшего стеснения заходил в любое помещение, обнюхивал и даже надкусывал все, что привлекало его внимание. То, что нравилось, норовил тут же прикарманить – выяснилось, что у хумахов очень вместительные защечные карманы.

Конечно, Лайана Кграшана за это не хвалили. Наоборот, постоянно шпыняли и скандалили. Ему то и дело попадало от Колобкова, от Зинаиды Михайловны, от Чертанова, от Фабьева, от Угрюмченко, от Светы и даже от Вадика с Гешкой. Хумах, похожий на пушистого Будду, каждый раз вежливо извинялся, возвращал похищенное и обещал, что больше так делать не будет.

Однако выполнять обещания даже не пытался.

– Так-так-так!.. – оживился Колобков. Кислая мина мгновенно превратилась в хищный оскал. – Это кто у нас тут такой, а?..

– Это я, капитан, – невозмутимо ответил Лайан. – Здравствуй.

– Здравствуй-здравствуй, хрен мордастый, – ласково ответил Колобков. – Я про тебя и забыл совсем. Хуймяк-заяц.

– Я не заяц, капитан. И не хомяк. Я хумах.

– Ты мне это уже раз десять говорил, – улыбнулся еще шире Колобков. – Глянь-ка – мы в порту стоим.

– Я вижу, капитан.

– Видишь? Тогда почему ты еще здесь, рожа мохнатая?

– Потому что мне нужно плыть в Малый Кхагхост, капитан. И я собираюсь плыть туда на твоей самодвижущейся лодке.

– Нет, не собираешься. Ты, грызун чертов, сходишь здесь. Я обещал, что высажу тебя в первом порту? Обещал. Мужик сказал – мужик сделал. Пшел вон отседова.

– Почему я должен сойти? – вежливо поинтересовался Лайан.

– Потому что хуймяков мне на борту и так много. Безбилетники – за борт. И скажи еще спасибо, что я тебя до порта довез, а не выкинул по дороге. Это потому что я добрый. Иногда даже слишком. Давай-давай, шуруй отсюда!

– Капитан, ты хочешь сказать, что я для тебя бесполезный груз?

– Ну что ты, этого я сказать не хочу. Ты вовсе не бесполезный груз.

– Спасибо, капитан.

– Ты гораздо хуже. Ты вредный груз. Кто у моей Зиночки косметичку спер? А кто у Петровича гаечный ключ стырил? А кто у Сереги мыша компьютерного прикарманил? Вот ты мне русскими словами скажи – на кой тебе все это барахло?

Лайан Кграшан неопределенно дернул усами. Он и сам толком не знал, зачем прячет за щеки совершенно ненужные ему предметы. Наверное, инстинкт, доставшийся от первобытных предков.

– Вот, кстати, пока не забыл, – вспомнил Колобков. – Пока ты еще не свалил, выворачивай карманы. Защечные. А то кто тебя знает – вдруг ты у меня паспорт стырил или раковину с брюликами. Ищи тебя потом...

В больших глазах хумаха ничего не отразилось. Он подвигал толстыми щеками и совершенно невозмутимо выплюнул на палубу несколько мелких предметов. Салфетку, носовой платок, авторучку, записную книжку, пачку зубочисток, колоду карт и крупную жемчужину. Удивительно, как все это поместилось у него во рту.

– Больше ничего? – поинтересовался Колобков, рассматривая челюсти Лайана с введливостью дантиста. – Точно больше ничего не прячешь? Смотри у меня, хуймяк, я и влындить могу!

Больше ничего за щеками хумаха не оказалось. Колобков сердито что-то пробурчал и поднял откатившуюся к ноге жемчужину. Нагигаться на одной ноге с непривычки оказалось ужасно трудно.

– Здоровенная ведь какая... – обтер перламутровый шарик рукавом Колобков. – Такая небось баксов на тыщу потянет... А ты, хуймяк бессовестный, ее взял и спер! Уголовное преступление, между прочим!

– Капитан, тебе что, так нравятся эти блестящие выделения моллюсков? – внимательно посмотрел на собеседника Лайан.

– А кому же они не нравятся? Скажешь, тебе они не нужны?

– Не нужны. Они несъедобны и непригодны ни для какой иной цели. Свод Тарэшатт учит нас, что нет проку в том, в чем нет проку.

– Тогда зачем ты ее спер?

– Затем же, зачем и все остальное. По привычке. Извини, капитан, я больше не буду.

– Конечно, не будешь. Потому что я тебя сейчас высажу. Вон, гляди, уже якорь подымаем! Шысь на берег, живо! А то Валерке скомандую силком тебя выкинуть!

– Подожди еще чуть-чуть, капитан. Раз тебе так нравятся эти блестящие выделения моллюсков, я бы хотел рассказать тебе кое-что интересное.

– Э?..

– Там, где я родился, на острове Малый Кхагхост, до хумахов жили люди. Такие же люди, как ты. Они жили там очень-очень давно – их нет уже почти пятьсот

миллентумов. Однако кое-что от них осталось. Каменные столбы в степи, остатки строений... и большой древний храм на острове посреди озера. Очень большой и очень древний. Мы туда не ходим – нам неинтересны человеческие древности.

– Мне они тоже неинтересны. Не держи меня за идиота, хуймяк. Валерка-а-а-а! Ком цу мир, битте!

Подошедший телохранитель неразборчиво хрюкнул и послушно поднял Лайана Кграшана под мышки. Хумахи весят немного – от семи до девяти килограммов. Могучий Валера при необходимости мог бы запулить безбилетного пассажира, как волейбольный мяч.

– Еще одно слово, капитан, – произнес болтающийся в воздухе Лайан. – Я не сказал тебе о том, что в том древнем храме осталось человеческое сокровище.

– Валерка, стоп! – резко поднял ладонь Колобков. – погоди. Ты чего щас вякнул, хуймяк? Сокровище?..

– Да, сокровище. Древняя реликвия, которую тот ушедший народ почитал священной. Если ее никто не похитил, она и сейчас должна быть там.

– И что это за реликвия?

– Очень крупное выделение очень крупного моллюска.

– Жемчужина?..

– Да.

– И насколько крупная?..

– Сам я ее никогда не видел. Но согласно тому, что мне известно, она размером с голову взрослого хумаха.

У Колобкова мгновенно началось слюноотделение. Он пристально посмотрел на гигантского грызуна, удерживаемого Валерой на весу. Голова у хумаха

поменьше человеческой, но совсем чуть-чуть. Если молва преувеличила размеры даже вдвое, жемчужина все равно должна быть не меньше десяти сантиметров в диаметре.

А это означает просто фантастическую стоимость.

– Я покажу тебе путь к тому храму, если отвезешь меня в Малый Кхагхост, капитан, – невозмутимо предложил Лайан.

– Валерыч, отпусти хуймяка, – сипло приказал Колобков. – Он только что купил билет.

Глава 2

«Чайка» вышла из гавани Чревалидо в два часа дня. Во всяком случае, именно столько показывали сейчас часы Колобкова. Они по-прежнему шли по московскому времени. Вот на часах Грюнлау – десять часов утра. А корабельный хронометр, настроенный на Гринвичский часовой пояс, сообщает, что сейчас одиннадцать.

Однако в этом мире все они ошибаются. На Эйкре нет часовых поясов. Время везде одно и то же, да к к тому же сутки вдвое длиннее земных.

Отплытие прошло без осложнений. «Чайка» простояла у причала считанные часы, и не успела заинтересовать важных людей. Ею не интересовался Наместник Города, не интересовались и Наложницы Владельца. Возможно, уже сегодня в Чревалидо станет известно о том, что натворил в Наранно удивительный корабль без весел и парусов... но будет уже поздно. Гребные галеры Юберии не угонятся за крейсерской яхтой на дизельных двигателях.

Стуча деревяшкой, Колобков вошел в капитанские апартаменты и окинул присутствующих отеческим взором. Двух совершенно одинаковых пятнадцатилетних подростков и двух стариков неопределенного, но очень почтенного возраста.

Любимые сыновья даже не заметили появления бати. Они увлеченно дрались за место у компьютера. Гешка сидел на стуле, крепко уцепившись за сиденье, Вадик скрипел зубами, пытаясь его стянуть.

– Моя очередь играть! – возмущенно выкрикнул Гешка, пытаясь отпихнуть брата.

– Ну пусти, я только на пять минут! – в очередной раз дернул Вадик.

– Хрен тебе, дятел! Если тебя пустить, ты жопой к стулу прирастешь!

– А ты будто не прирастешь, козлодой?!

– Ша, братва лихая! – гаркнул Колобков, стуча тростью о стену. – Чего не поделили? Кому тут влындить? Папа сегодня добрый, папа всем раздает подарки! У папы теперь есть удобная палка!

Близнецы резко замолкли и прекратили драться. Бросая неприязненные взгляды на отца, они неохотно отошли от компьютера и вытянули руки по швам.

– Диктатор вернулся... – чуть слышно пробормотал Вадик.

– Ага... – тихо согласился брат. – Ща всем влетит...

К их счастью, Колобков отвлекся на Каспара и Бальтазара. Толстый, длинноволосый и бородатый старик в колпаке весело отплясывал посреди комнаты. Другой старик – лысый, длинноусый, с китайскими чертами лица – невпопад распевал на непонятном языке.

При виде тысячелетних волшебников, поющих и пляшущих под караоке, Колобков почувствовал, что чего-то не понимает в этой жизни. Он несколько секунд стоял неподвижно, с интересом разглядывая своих необычных пассажиров. Перевел взгляд на экран и задумался, когда эти старые пни успели выучиться читать по-русски.

Потом до Колобкова дошло, что на текст песни Каспар с Бальтазаром даже не глядят. Если они и могут его прочесть, то не пытаются. Просто поют под музыку что-то свое.

- Алё, деды!.. – наконец заговорил Колобков. – Вы чего тут творите?
- А?.. – посмотрел на него мутным взглядом Каспар. – А ты кто такой? Ты его знаешь?..
- Я его не знаю, – подозрительно покосился на Каспара Бальтазар. – И тебя я не знаю. Ты кто?
- Полагаю, у нас сейчас есть более важный вопрос. Кто ты сам такой?
- Что-о-о?! – возмутился Бальтазар. – Ты что, старый дурак, не помнишь мое имя?!
- Не помню. Так как тебя зовут?
- Я тоже не помню... – признался Бальтазар. – А ты помнишь?..
- Я?.. Я хочу выпить чаю! Почему бы нам не вскипятить чайку?
- Эта мысль заслуживает внимания, безусловно. У кого сахар?
- Последний раз, когда я его видел, он был у меня в руке... где он?..
- Да, куда ты его дел? – тщательно осмотрел ладони Каспара Бальтазар.
- Так, деды, хватит дурковать, – вмешался Колобков. – Завели мне тут патефон. Где ваш третий?
- Третий? Какой еще третий?
- Ну этот, негр который. Мельхиор его зовут, кажись.
- Кто это такой?
- Камрад ваш, старые дураки! Вы все время втроем тусуетесь!

- Первый раз слышу, - помотал головой Бальтазар.
- Мы не знаем этого человека, - согласился Каспар.
- Я и тебя тоже не знаю, - подозрительно покосился на него Бальтазар.
- Да, тяжело мне с вами... - вздохнул Колобков.

Каспар, Бальтазар и Мельхиор, волей судьбы попавшие на «Чайку», не переставали обеспечивать землян головной болью. Эти три древних старика – неприятность покрупнее гигантского хомяка-людоеда. Они волшебники – невероятно мудрые и могучие волшебники. Но с одним малюсеньким недостатком.

Все трое – совершенно чокнутые.

Троица успела прожить на белом свете по две с половиной тысячи лет на брата. И к настоящему времени погрузилась в самые глубины старческого слабоумия. Маразм давно превратил их мозги в кашу. Из-за жесточайшего склероза они то и дело забывают даже собственные имена.

Ну и другие недуги для ровного счета: нарколепсия и энурез у Каспара, артрит и паранойя у Бальтазара, радикулит и регулярное впадение в детство у Мельхиора.

Само по себе это было бы ерундой. Ухаживать за тремя стариками-маразматиками – удовольствие ниже среднего, но еще не конец света. Гораздо хуже, если старики-маразматики по-прежнему умеют колдовать. Трое волхвов до сих пор сохранили колоссальную магическую мощь... но совершенно забыли, как ее правильно применять.

И вот это – действительно очень серьезная проблема. За время своего пребывания на борту мудрецы натворили немало дел. Это они перетаскивали на Эйкр яхту «Чайка» с экипажем. Это они превратили судового механика Угрюмченко в крупного беркута, а телохранителя Гену в каменную статую. Это они сделали из безобидного сирийского хомячка ужасное чудовище. Это они снабдили Гюнтера Грюнлау оружием, обмундированием и раздвоением

личности.

И это еще только самые крупные из доставленных неприятностей.

Конечно, могло бы быть и гораздо хуже. Во время битвы с юберийскими шотелидами и палицаями три мудреца продемонстрировали, что способны навредить так, что мало не покажется. Чокнутые старикашки запросто могли просто взорвать все вокруг, не глядя на лица.

Именно поэтому Колобков даже не помышлял о том, чтобы ссадить их на берег, как пытался сделать с назойливым хумахом. Страшно представить, что эти маразматики сотворят с «Чайкой», если их разозлить.

К тому же Каспар, Бальтазар и Мельхиор – потенциальные источники немислимого богатства. «Чайка» ведь не просто тыркается по островам архипелага Кромаку. «Чайка» разыскивает широко известного в этих краях пирата – некоего Тур Ганикта.

Именно этот загадочный тип похитил у трех безумных мудрецов их собственный дом. Их башню. Неизвестно, как он умудрился такое проделать, но Колобков твердо настроился вернуть похищенное законным владельцам. И на то у него есть две веские причины.

Во-первых, в этой башне находится путь, ведущий обратно на Землю.

Во-вторых, подвал башни буквально набит драгоценными камнями.

То и другое очень даже стоит разыскивать.

– И все-таки – где ваш третий? – задумчиво спросил сам у себя Колобков. Сам у себя – поскольку ждать от мудрецов осмысленного ответа не приходилось.

Словно отвечая на его вопрос, из комнаты девочек выбежал третий мудрец – Мельхиор. Седовласый африканец с вытатуированным на груди орлом. Одежды почти нет – только набедренная повязка, да еще толстенный фолиант под мышкой. Орто Матезис Сцентия, великая книга мудрости. Мельхиор постоянно ее где-то забывал, терял, пару раз даже ронял за борт – но очень скоро она

вновь оказывалась при нем.

Сейчас Орто Матезис Сцентия вообще держалась непонятно как. Мельхиор размахивал обеими руками над головой, но пухлый том все равно висел под мышкой, словно приклеенный.

Впрочем, при нужде хозяин может засунуть его и за ухо – огромная книга при этом уменьшается до размеров почтовой марки.

– Медвежата! – жалобно возопил Мельхиор, показывая что-то товарищам. – Медвежата с пробитыми черепами.

– Медвежата?.. С пробитыми черепами?.. – вяло переспросил Бальтазар.

– Какое зверство! – заахал Каспар. – Какой варвар такое учинил?!

– Не знаю, я их такими уже нашел! – скуксился Мельхиор. – Кто-то проломил черепа бедным медвежатам! Смотрите, смотрите, какие дыры у них в головах!

– Кто же это мог быть? – потряс бородой Каспар.

– Что вы на меня так смотрите?! – возмутился Бальтазар. – Это не я!

– Кроме тебя никому!

Колобков приоткрыл было рот, намереваясь вмешаться. Но тут в комнату вбежала Оля. Девочка подскочила к Мельхиору и завопила на него:

– Глупый дед, отдай мои тапочки!

Мудрецы недоуменно уставились на нее. Воспользовавшись их растерянностью, Оля выхватила у Мельхиора пушистые тапки в виде медвежат и тут же натянула их на ноги.

– Медвежата... – заморгал Мельхиор. – Бедненькие медвежата...

– Это тапочки! – крикнула ему в лицо Оля. – Дедушка Мельхиор, я вам уже сто раз говорила – это мои тапочки! Прекратите их воровать, а то я на вас Рикардо науськаю!

Покончив с этим, Оля перевела взгляд на Каспара. Пару секунд разглядывала его, а потом подозрительно спросила:

– Дедушка Каспар, а зачем вы сняли халат?

– Мне стало жарко.

– А зачем напялили мамино платье?

– Мне стало холодно.

Оля поджала губы и обменялась взглядами с отцом. Колобков хмыкнул, разглядывая седобородого старца в женином платье. Ситцевом, в мелкий цветочек. На тучной фигуре Каспара оно трещало по швам, но все же пока не порвалось.

– Девочка, а ты с нами поиграешь? – наклонился к Оле Мельхиор, уже забывший про спасение несчастных медвежат. – Давай вместе петь песенку! А-ля-ля!.. А-ля-ля!..

– Дедушка Мельхиор, вы прямо вылитый Спанч Боб, – строго посмотрела на него Оля. – А вы, дедушка Каспар, похожи на Патрика. А вы, дедушка Бальтазар, прямо вылитый Сквидворд.

– Кто все эти люди? – насторожился Бальтазар. – Я их не знаю!

– Это не люди. Это губка, морская звезда и осьминог. И вы трое точь-в-точь на них похожи.

– Я чувствую заговор, – сплел тонкие пальцы Бальтазар. – Это заговор. Вы все против меня. Вы все мои враги. Все. Вот этот стул наверняка что-то затевает! Я уничтожу его, пока он не уничтожил меня!

– А?.. – подал голос Каспар. – Что происходит?! Что тут происходит?! Я требую немедленно объяснить мне, что тут... хррр-пс-пс-пс...

– Заснул, – прокомментировал Мельхиор, тыкая Каспара в щеку. – Ты спишь, что ли? А?.. А?.. Спишь?.. Спишь, да?..

Колобков только крякнул. Старые пердуны в своем обычном репертуаре.

– Кто здесь?! – встрепенулся Каспар, очумело таращась вокруг.

– Проснулся, – догадался Мельхиор.

– Я и не спал!..

– Спал.

– Не смейте возводить напраслину!.. хррр-пс-пс-пс...

Мельхиор внимательно изучил снова уснувшего Каспара и выдавил ему в ухо полтюбика зубной пасты. Вторую половину он отправил себе в рот.

Бальтазар смерил этих двоих подозрительным взглядом и принялся копаться в карманах. В течение следующих секунд он вытряхнул на пол бамбуковую флейту в виде дракончика, десяток старинных серебряных монет, спелый персик, тяжелый медный ключ, длинный шелковый шнур, баночку лака для ногтей и нефритовую статуэтку китайца, ужасно похожего на него самого.

Колобков рассеянно следил за этим, гадая, сколько же всего карманов у этого чокнутого старикашки. Такое впечатление, что не меньше сотни.

И лежит в них чертова уйма всякой всячины.

– Где же оно... – бормотал Бальтазар. – Где же оно, ну где же оно...

– Что ты ищешь? – тронул его за плечо Мельхиор.

– А-а-а!!! Не трогай меня! – отшатнулся Бальтазар.

– Почему?

– Не знаю, но не трогай! Где же оно... А... А... Нет, я не сойду с ума, я не сойду с ума!

– Конечно, ты не сойдешь с ума, не волнуйся, – ласково улыбнулся в бороду Каспар.

– Спасибо за поддержку, доброе говорящее кресло, – признательно посмотрел на него Бальтазар. – Ты единственная мебель здесь, которой я еще могу доверять. Все остальные состоят в заговоре, я это знаю!

– В заговоре? В каком еще заговоре?

– В глобальном заговоре МОАЗ.

– А что такое МОАЗ?

– Международная Организация Абсолютного Зла.

– Откуда ты о ней знаешь?

– От ягодицы.

– Какой еще ягодицы?

– От моей правой ягодицы. Это она мне рассказала.

– Ты разговариваешь со своей ягодицей?

– Конечно. А ты разве нет?

– Нет. Зачем?

– Как это зачем?! Запомни, дурак, если хочешь выжить в этом мире, всегда внимательно слушай, что тебе говорит правая ягодица.

– Почему именно правая?

– Правая ягодица – это Ягодица Судьбы, она никогда не ошибается. Если Ягодица Судьбы прикажет тебе убить человека – убей его без колебаний, ибо он наверняка состоит в МОАЗ. Всегда и во всем слушай свою правую ягодицу. А левую не слушай, она все врет!

– Так, деды, а ну-ка живенько успокоились! – постучал тростью по стене Колобков. – Братва лихая, давайте, давайте, отведите дедушек наверх, на палубу. Они тут совсем закисло без свежего воздуха. Симптомы даже хуже обычных.

Гешка и Вадик неохотно поплелись исполнять отцовский приказ. К счастью, выгуливать мудрецов они уже давно наловчились – дело на поверку оказалось нехитрым.

Большую часть времени Каспар, Бальтазар и Мельхиор не обращали внимания на происходящее вокруг, полностью поглощенные общением внутри своего круга. В этом состоянии они позволяли вести себя куда угодно, не высказывая возражений. Мельхиора вообще однажды поставили у стенки вверх ногами – он заметил это только через полтора часа.

– Не ешьте мой бутерброд!.. – донесся из коридора вопль Бальтазара.

Рука Колобкова замерла в воздухе. Он как раз взял с тарелочки на столе аппетитно пахнущий сэндвич с ростбифом, салатом и зеленым луком. При других обстоятельствах Колобков непременно бы его съел. Но тянуть в рот то, что приготовил Бальтазар... нет, это будет крайне неблагоприятным.

Проще уж пустить себе пулю в лоб – от нее хотя бы знаешь, чего ждать.

Конечно, Бальтазар мог и не делать этот бутерброд сам. Возможно, тут потрудились его, Колобкова, дражайшая половина. Или дочь. Или Гюнтер. Или еще кто-нибудь. Но если существует вероятность, что тут приложил руку

чокнутый волшебник, безобидный бутербродик становится потенциальной бомбой неизвестного действия.

Справедливости ради надо заметить, что не все зелья Бальтазара вредны для здоровья. Взять хоть эликсир, выпитый Чертановым. Благодаря этому адскому вареву Сергей обрел способность говорить с любым разумным существом на его языке. И стал, возможно, лучшим переводчиком в мире.

Но исключения только подтверждают правило. Тем более, что Чертанову невероятно повезло. Бальтазар сам потом признался, что всех предыдущих испытуемых чудесный эликсир свел с ума или вообще убил.

За исключением одного, который превратился в пустельгу.

– Геныч, где ты там?.. – позвал Колобков, заходя в спальню.

Его встретил безжизненный взгляд каменной статуи. Гена – еще один телохранитель, бывший напарник Валеры. В Наранно он получил тяжелое ранение, а вслед за этим – медицинскую помощь от Каспара. Волшебство спятившего чародея мгновенно залечило раны.

Увы, побочным эффектом оказалось превращение пациента в камень.

– Эх, Геныч, что же ты так... – грустно вздохнул Колобков, обходя вокруг статуи.

Окаменевшего телохранителя положили в самом безопасном месте на яхте – в спальне капитана. Все надеялись, что эффект временный и Гена когда-нибудь вернется к жизни. Будет не очень красиво, если до этого момента у него отломится рука или еще что-нибудь.

Колобков мрачно вздохнул, опираясь на трость. Прошло уже несколько дней, а Гена по-прежнему каменный. И никаких признаков улучшения. Наверное, все-таки стоит попросить мудрецов поколдовать над ним. Конечно, результат будет совершенно непредсказуемым, но вряд ли даже им удастся сделать хуже, чем сейчас.

– Ладно, Геныч, бывай, – легонько постучал тростью по руке статуи Колобков.

Послышался тихий хруст. От места, где дерево соприкоснулось с камнем, побежала тонкая извилистая трещина.

– Ой-ей... – сглотнул Колобков. – Геныч, блин, извини дурака, нечаянно!

Трещина продолжала шириться. От каменной руки отвалился кусочек. Колобков в ужасе завертел головой, ища цемент, клей, скотч... что угодно, лишь бы это остановить!

Неужели он сам, собственными руками окончательно добил героического телохранителя?!

– Геныч, прости! – возопил Колобков. – Кто ж знал, что ты такой непрочный?!

В статуе что-то громко треснуло. На пол посыпались осколки. Колобков на секунду зажмурился – показалось, что рука таки развалилась на кусочки.

Но когда он открыл глаза, то понял, что осыпалась только каменная скорлупа. Совсем тонкая, почти как яичная. А рука у статуи по-прежнему на месте... загорелая рука с медленно шевелящимися пальцами.

Из-под слоя камня послышался слабый стон.

– Геныч, блин!.. – расширились глаза Колобкова.

Он перехватил трость поудобнее и принялся колотить по статуе что есть мочи. Уже через несколько секунд она вся покрылась трещинами... потом на полу выросла гора каменной скорлупы... а потом Гена закашлялся и открыл рот, часто глотая воздух.

– У... О... – выдохнул телохранитель, дико озираясь вокруг себя. – Ы... О...

– Геныч, твою мать!.. – счастливо осклабился Колобков, хлопая его по спине. – Живой!.. Живой, курилка!..

– Шеф... – ошалело посмотрел на него Гена. – Ы!.. У!..

– Да не мели ты так языком, Геныч. Тебе после болезни вредно много разговаривать. Пошли лучше до бара, я тебе сто грамм налью. Такое дело нельзя не отметить!

Телохранитель признательно посмотрел на шефа, отряхнул с себя каменную крошку и с хрустом потянулся. Тело вроде бы в порядке. Нигде ничего не болит, все суставы гнутся нормально, голова работает четко.

Пора возвращаться к работе. Вот только принять вначале рюмочку – обмыть возвращение к нормальному состоянию...

– Ах да, – замер на пороге Колобков. – У нас же бар пустой.

Глава 3

– Пас.

– Пас.

– Пас.

– Распасы, значит... – пропел Колобков, вскрывая первую карту из прикупа. – Распасы – в прикупе чудесы... Посмотрим, кого мы сегодня нахлобучим, посмотрим, кто у нас сядет...

Грюнлау, Чертанов и Стефания смерили открытую семерку пик напряженными взглядами и уткнулись в сданные карты. Педантичный немец задумался особенно сильно – ему ходить первым.

На руках девятка и дама. Если пойти с девятки, то эта взятка скорее всего уйдет другому, но зато дама почти наверняка «принесет в подоле». Если же пойти с дамы, то есть шанс, что у переводчика или «фрау Тойфель» окажется голый

король или туз. А то и оба сразу.

Решение нужно как следует взвесить – ошибаться нельзя, у него и без того самая большая гора.

– Пиковый фрау, – наконец бросил карту Грюнлау.

Чертанов секунду помедлил, обкусывая ноготь на указательном пальце, а потом положил на стол валета.

Стефания без раздумий пошла с десятки.

Грюнлау придвинул к себе первую взятку, и Колобков открыл вторую карту прикупа.

Король пик.

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, – развел руками Колобков, глядя на приунывшего немца. – Давай-давай, Гюнтер, не тормози.

Грюнлау поджал губы, ходя с девятки. Чертанов выложил туза, Стефания – восьмерку.

Изучая карты, Грюнлау с сожалением подумал, что решение все-таки оказалось ошибочным. Если бы он сначала пошел с девятки, то первая взятка досталась бы Чертанову, а вторая – сидящему на прикупе Колобкову. А так колобковский король сумел вывернуться за его, Грюнлау, счет.

Мелочь, конечно, но неприятно.

– Жарища, – обтер лысину платком Колобков. – Уф, ну и жарища...

– Да, климат в эти места есть совсем жаркий, – согласился Грюнлау, сбрасывая бубнового туза. – Особенно по сравнению с твой, Петер, фатерлянд.

– Да, у нас в России, конечно, холоднее... – согласился Колобков. – Чай, не Индия!

– Гораздо холоднее, Петер. От вас даже Наполеон сбежал, напуганный страшным генерал Мороз.

– Чего-чего? – прищурился Колобков. – Ты это о чем сейчас, Гюнтер?

– О исторический событий, Петер. Наполеоновский кампаний тысяча восемьсот двенадцатый год. Из-за суровый русский зима Наполеон потерял большая часть армии и был вынужден отступить.

– От... – аж скривился Колобков. – Гюнтер, ну вот от тебя я такого не ожидал. Ты вот вроде мужик неглупый, но сейчас ба-альшую хрень смолотил. У тебя что по истории в школе было?

– Э... А что, я где-то есть ошибаться? – смутился Грюнлау.

– Да еще как. Следи за руками, Гюнтер, я тебе щас все популярно объясню.

Колобков растопырил пальцы на «чисто пацанский» манер, важно откашлялся и произнес:

– Ну во-о-о-от!.. Излагаю все доступно. Значит, двадцать четвертого июня Бонапартишка приперся туда, где ему никто не обрадовался. Приперся с шестисоттысячной армией! Во-о-о-о-от!.. Было, значит, у Наполеона шестьсот тысяч. Следишь за мыслей, Петер?

Грюнлау молча кивнул.

– Было шестьсот тысяч, – для верности повторил Колобков, крутя в воздухе толстым пальцем. – Однако всего за месяц стало на сто пятьдесят тысяч меньше. Болезни, дезертирство, стычки с нашими... армия французишек ну буквально таяла! Как льдышка в жаркий день. И дело, кстати, как раз в июле было, в жару. Не такую жару, конечно, как сейчас вот – тут вообще страна Папуасия – но было все-таки жарко. Наполеон шел вперед и вперед, а Кутузов от него уходил и весело хихикал. У него-то армия с каждым днем росла, а у Наполеона – таяла. При Бородино армии были уже практически одинаковыми!

– Петер, а кстати, при Бородино кто победил? – поинтересовался Грюнлау. – Ваши или французы? Я что-то не есть полностью уверен...

– Гюнтер, ну что ты как маленький... – поморщился Колобков. – Кто победил, кто победил... Ничья там была. Наши отступили, и Наполеон тоже отступил. Ни наши, ни ихние верха не взяли. Но потери у Наполеона были вдвое больше, так что по очкам все-таки мы победили. А потом под Малоярославцем мы ему еще и добавили. После Малоярославца он и двинул обратно домой. Да двинул старым путем, которым и шел – по Старой Смоленской. А дорога-то там уже плохая стала!

– Осенними дождями размыло? – понимающе кивнул Грюнлау.

– Да какими дождями, Гюнтер! Хотя дороги у нас, конечно, всегда хреновые были, ну так у нас климат такой... И расстояния огромные. Сам попробуй в таких условиях хорошие дороги поддерживать. Когда Наполеон отступал, был еще только октябрь. Прохладно уже, конечно, но еще не настолько, чтоб насмерть замерзнуть. Зато вот жрать французишкам было как раз нечего! Свои запасы все подъели, на Старой Смоленской, что было, тоже сожрали – еще пока в Москву шли. Вот и подыхали от голода. Да еще и наши Наполеона провожали пенделями, гнали, как стадо баранов. Но морозы тут совсем ни при чем. Морозы грянули, когда Наполеон уже подходил к границе. Войск у него к тому времени осталась уже крохотная горстка. И от холода умерло ну совсем мало французов. В пределах статистической погрешности. Так что ты, Гюнтер, учти – «генерал Мороз» Кутузову если в чем и помог, так разве что в финальной экзекуции. Добивать умирающего. И то совсем чуть-чуть, уже под конец. Зато в Европах ваших модно стало все на него валить, Наполеона своего оправдывать – мол, померзли, померзли, бедолажки... Как будто у нас Антарктида какая, право слово...

– Петр Иванович, а вы, оказывается, хорошо отечественную историю знаете! – удивился Чертанов.

– Ну дык! Я ее, Серега, отлично знаю! В жизни всегда пригодится!

– Для чего, например?

– Ну мало ли... Беседу умную поддержать, кроссворд разгадать... Вот на днях я кроссворд разгадывал, там вопрос был – «Опера Сергея Рахманинова», восемь букв...

– И что за опера?

– А я-то откуда знаю? – повертел пальцем у виска Колобков. – Я в этом ни в зуб ногой. Баха от Бетховена с трех метров не отличу. Слышал, что кто-то из них глухим был, а кто именно... да черт его знает.

– Бетховен, – процедила сквозь зубы Стефания.

– Ну вот видишь, – ухмыльнулся Колобков. – Я же говорил, что она знает.

– Хватит! Довольно! – сорвалась на визг чертовка. – Что это за расовая дискриминация?! Мне эти твои шуточки уже знаешь где сидят?!

Над карточным столом повисло тягостное молчание. Чертанов напряженно уставился в карты, изо всех сил стараясь не встречаться со Стефанией взглядом. Он уже усвоил, что эту рогато-хвостатую девушку ужасно задевают поговорки и присловицы с упоминанием чертей.

Да и кому понравится, если тебя используют в качестве ругательства?

– Ладно тебе, Фанька, не бычься по пустякам, – весело хохотнул Колобков. – Будь проще, и люди к тебе потянутся. Возвращаясь к нашим баранам – ты вот сама-то с этим Наполеоном не встречалась?

– Я не настолько старая, тупица! – выпалила все еще кипящая от гнева чертовка.

– Да не, я имел в виду с уже мертвым. Ну, в аду вашем.

– А с чего ты взял, что он в Аду?

– А что, в раю, что ли?! – возмутился Колобков. – Это за какие заслуги?! Что он сделал-то хорошего?! Всех и заслуг – пирожное в его честь назвали! Вкусное, правда...

– Согласно правилам, нам категорически запрещено давать справки по поводу местонахождения ваших мертвецов, – терпеливо объяснила Стефания. – Даже намеками или умолчанием. Полная конфиденциальность.

– По-моему, ты это правило уже нарушала, – осторожно заметил Чертанов. – Я точно помню, ты про кого-то что-то такое уже говорила... только я не помню, когда и про кого.

– Про Шикльгрубера, – напомнил Грюнлау.

– Не помню, – мгновенно открестилась Стефания. – Не было такого.

– Было-было, – помотал головой Чертанов.

– А даже если и было! Мы, черти, правил не особо-то придерживаемся. Да нам вообще начхать на все правила!

– Ну так ты тогда еще раз нарушь! – весело предложил Колобков.

– Перебьешься. Мы их нарушаем, когда нам самим того хочется. А не когда об этом просит какой-нибудь толстый дурак.

– Слова тоже могут ранить, вообще-то, – обиженно втянул живот Колобков. – Ходи давай. Что играешь?

– Хм-м-м... – задумалась Стефания, глядя в карты. – Семь бубен.

– Пас, – равнодушно сказал Чертанов.

– Вист! – радостно осклабился Колобков. – Висточек... Бубночки, значит... Кто играет семь бубён, тот бывает нае...

– Петя! – укоризненно покачала головой лежащая в шезлонге Зинаида Михайловна.

– А чего я? – хмыкнул ее дражайший супруг, с удовольствием разглядывая карты. – Ходи, Фанька! Ща мы тя посодим, ща мы тя посодим...

Зинаида Михайловна с шумом захлопнула книгу, вылезая из шезлонга. По судовому хронометру приближалось время обеда. А сегодня ее очередь готовить.

Мадам Колобкова с печалью вспомнила о маме, оставленной на папуасском острове. С тех пор, как та покинула яхту, Петенька заметно повеселел. Они с мамой всегда были на ножах. Какая-то врожденная неприязнь – как у кошек с собаками. Сколько уж Зинаида Михайловна ни пыталась примирить мать и мужа – все без толку.

Но было в дражайшей Матильде Афанасьевне кое-что, ценимое даже ненавистным и ненавидящим зятем. Ее незаурядные кулинарные способности. Колобков частенько ворчал, что не сегодня завтра ожидает найти в своей тарелке крысиный яд, но на аппетите эти страхи не сказывались. Потрясающая тещина стряпня кое-как примиряла с существованием ее самой.

Однако теперь Матильда Афанасьевна – жена вождя племени Магука. Королева папуасского острова. И камбуз в ее отсутствие выглядит каким-то осиротевшим. Должность кока по-прежнему вакантна, и занимать ее никто не рвется.

Некоторое время на камбузе царил хаос. Потом его упорядочили. На общем собрании было решено, что готовить будут все по очереди в меру способностей. Чертанов составил график дежурств, распечатал его и повесил на двери.

Конечно, некоторых от дежурства по камбузу освободили. Угрюмченко – по отсутствию рук. Олю Колобкову – по малолетству. Блинецов Вадика и Гешку Колобковых – эти не в состоянии даже залить молоком кукурузные хлопья.

Ну и мудрецов, конечно, исключили тоже. Единогласно и без раздумий.

Составляя график, ориентировались в том числе и на кулинарные способности. Тот же Колобков-старший, например, умеет только жарить яичницу и делать бутерброды. Зато его супруга стряпает очень даже недурственно, хотя и ненавидит это занятие всеми фибрами. Поэтому Зинаиде Михайловне и досталось больше всего дежурств.

Она бурно протестовала против такого решения, но это не было принято во внимание.

– Зиночка, твой мусик хочет кушать! – состроил умильное лицо Колобков, глядя на супругу.

– Да-да, разумеется, – обреченно вздохнула та. – Кстати, Петя, у вас тут интересный разговор зашел на историческую тему... ты в курсе, что школьные учебники во многом ошибаются насчет Наполеона и его деятельности?

– Правда, что ли? – опешил Колобков. – С чего вдруг?

– А вот, почитай, – с готовностью протянула книгу Зинаида Михайловна. – Здесь на этот счет очень много интересного.

– Это что еще за макулатура? – повертел томик муж. – Фоменко... кто такой?

– Очень умный человек. Настоящий академик. Подошел к изучению истории с совершенно новаторской точки зрения. Применил новейшие математические методы. Оказывается, мы совершенно не знаем своей истории, Петя! Представляешь?

– И про что там?

– Это лучше самому прочитать. Не пожалеешь, Петя. Методы академика Фоменко просто удивительны! Я и сама попробовала их применить... ну так, немножко... но представляешь, все получилось!

– Что получилось?

– Применив систему академика Фоменко, я выяснила, что в твоей биографии были допущены серьезнейшие ошибки, Петя, – оживленно заговорила Зинаида Михайловна. – В свидетельстве о рождении, а затем и в паспорте тебе приписали целых двадцать лишних лет! На самом деле тебе не сорок шесть, а всего двадцать шесть!

– А, ну да, конечно... – промычал Колобков, уже не слушая. – Как скажешь, Зинулик...

– Но мама, это же бред какой-то, – вмешалась стоящая у борта Света. – Папе не может быть двадцать шесть лет. Тогда получается, что он женился на тебе шестилетним. А я, получается, родилась, когда папе было всего девять.

– Светочка, ты что же, подвергаешь сомнению метод академика Фоменко? – строго посмотрела на нее мать. – Вот, возьми лучше и прочитай. Здесь все это объяснено в популярной форме.

Света растерянно посмотрела на отца, ища поддержки. Однако тот лишь поморщился и коротко помотал головой – лучше не спорить.

При всех неоспоримых достоинствах у Зинаиды Михайловны есть и недостатки. Один из них – слепое доверие печатному слову. Мать семейства Колобковых чуть ли не ежедневно хватается за очередную популярную новинку, ни на миг не сомневаясь в незамутненной истинности читаемого. Ее увлекает все: НЛО, народные целители, Бермудский треугольник, лох-несское чудовище, йога, фэн-шуй, битвы экстрасенсов, альтернативные хронологии и любые другие сенсации.

Все это поглощается, переваривается и очень быстро забывается, сменяясь чем-нибудь свеженьким.

Стефания откинулась на спинке стула. Она взяла свои шесть пик и наконец-то закрыла пулю. Последней.

Партия окончилась. Чертанов придвинул лист бумаги и занялся расчетами.

– Петр Иванович и Стефания в выигрыше, – объявил он через полминуты. – А мы с вами, герр Грюнлау, им должны.

– Сколько я есть должен? – немедленно достал портмоне педантичный немец. – Я немедленно расплатиться.

– Да сиди ты, Гюнтер, что ты суетишься вечно... – лениво отмахнулся Колобков. – По копеечке за вист играли, что ты там проиграл-то, ерунда... Что он проиграл,

Серега?..

– Двести пятьдесят три виста, Петр Иванович. Двадцать пять рублей тридцать копеек.

– И играли мы не по одной, а по десять копеек за вист, – напомнила Стефания. – Давайте сюда мою долю.

– Фанька, тебе-то деньги зачем? Что ты с ними делать будешь? Души скупать? Чичиков женского полу, хы-хы!..

– Не твое дело, что я с ними буду делать, – зло процедила чертовка. – Просто отдайте то, что мне причитается.

– Да на, держи, держи... Чего ты всегда так нервничаешь, когда играешь?

– Я не нервничаю. Кто сказал, что я нервничаю?

– Да видно же. На вид спокойная, а все равно каждый раз напрягаешься так...

Стефания тяжело вздохнула, сверля Колобкова недобрым взглядом. Потом вздохнула еще раз. А потом неохотно произнесла:

– Помните, я рассказывала, за что мне сожгли крылья?

– Не помним, – помотал головой Чертанов. – Потому что ты не рассказывала.

– Ага, – кивнул Колобков. – Ты только сказала, что чего-то нарушила.

– Это все из-за карт... – мрачно произнесла чертовка, с ненавистью глядя на колоду. – Все из-за карт...

– Ну-ка, ну-ка... – с интересом подался вперед Колобков.

– Когда я была на Земле в последний раз... – устало прикрыла глаза Стефания. – Когда я была... да...

– Это мы уже поняли. Дальше?..

– Я там немного задержалась. Решила воспользоваться возможностью. В Монте-Карло.

– Ух ты...

– Да, это было весело... Конечно, я знала, что получу выговор за задержку, но оно того стоило...

– А получила ты не только выговор...

– Не из-за этого. Совсем не из-за этого. Самовольные задержки, отлучки – это пустяки, это мелкие провинности. На это обычно не обращают внимания. Просто уже в самом конце... когда я уже собиралась возвращаться... в общем, как раз в то время на Земле скончался мой личный подопечный...

– Кто?

– Один праведник. К некоторым из вас, смертных, за особые заслуги приставляют персонального ангела-хранителя. Работенка непыльная – так, халтурка в добавку к основной нагрузке. Просто быть на связи, присматривать немножко, вести отчетность... А в конце жизни – не забыть явиться и лично доставить душу по назначению. И вот этого моего подопечного как раз тогда угораздило умереть, чтоб ему пусто было...

Воцарилось молчание. Стефания сверлила мрачным взглядом собственный ноготь, Колобков, Чертанов и Грюнлау деликатно молчали.

– Я все сделала, как положено. Забрала его, и уже возвращалась домой, – наконец снова открыла рот чертовка. – Уже возвращалась, но решила в последний момент заскочить в бар. И там кое с кем встретилась. С демоном. Дьяволица пятого ранга, сборщица душ. Оптовая. Она как раз закончила смену и тоже сидела в баре.

Стефания опять надолго замолчала, неподвижно глядя в одну точку. Ее не понукали – всем хотелось узнать, чем кончилось дело. Стефания не так уж часто

позволяла себе вот так разговориться.

– Мы выпили вместе, – призналась чертовка. – Немного пообщались. Обменялись последними сплетнями. Я пожаловалась ей на этих проклятых старикашек, она рассказала ужасно смешной анекдот... про Асмодея... А потом... потом... потом она предложила перекинуться в картишки. И мы сели за игру. Сначала я выигрывала, и раззадорилась. Понемногу мы начали повышать ставки, а я только радовалась. И сама не заметила, как удача от меня отвернулась. Я проиграла все. Все. У меня не осталось ничего вообще. И тогда... тогда я поставила на кон душу. Праведную человеческую душу, которую должна была доставить в Рай. И ее я тоже проиграла.

– Да разве ты была иметь право на нее играть?! – не выдержал Грюнлау.

– В том-то и дело, что нет! – выкрикнула в ответ Стефания. – Это было должностное преступление! Из самых худших! На следующее утро, сообразив, что натворила, я разыскала ту дьяволицу и стала умолять вернуть проигрыш! Но она... она только расхохоталась мне в лицо... А когда я вернулась домой... знаете, в небесном трибунале сидят очень понимающие ангелы. Там много чего могут простить. Но я собственными руками отдала демону невинную душу. Душу, которую должна была хранить и оберегать паче собственной жизни. Ее не забрали у меня силой, не украли, не выманили обманом – я сделала это сама, добровольно. Обрекла на адские муки праведника, а такого... такого не прощают. Мне сожгли крылья и швырнули... швырнули... в общем, так вот все и закончилось. Крылья Гавриила, я до сих пор чувствую, как это больно... больно падать... – прошептала Стефания.

Несколько секунд за карточным столом царило тяжелое молчание. А потом Чертанов встал, хрустнул суставами и делано бодрым тоном сказал:

– Ну что, хватит на сегодня, что ли?

– Да, мне тоже есть капелька надоесть, – присоединился к нему Грюнлау.

– И то верно, – согласился Колобков, разглядывая чаек. – Чего это мы все за картами, да за картами? Пора и делами заняться.

Колобков поднялся со стула, помогая себе тростью. Пошевелил пальцами босой левой и пристукнул о палубу деревянной правой. Невольно почувствовал себя Джоном Сильвером и снова хихикнул.

– Мы куда плывем-то, мужики? – облокотился о фальшборт капитан яхты. – Мне кто-нибудь скажет, или я так и буду не в курсах?

– Петр Иванович, так вы же присутствовали, когда мы это обсуждали, – кисло напомнил Чертанов.

– Серега, у меня тогда нога страшно болела. Я не помню ни черта.

– Прекрати! – одарила Колобкова бешеным взглядом Стефания.

– Ладно, ладно. Одного только черта и помню. А больше ничего не помню. Так куда мы плывем-то? А, Василь Василич! – приставил ладони ко рту Колобков. – Куда плывем?!

– Не плывем, а идем! – гаркнул из ходовой рубки Фабьев. – Плавает говно! А судно, мать его так, идет!

– Ну и куда мы идем? – проявил покладистость Колобков.

– В Порт-Вариус мы идем, Петр Иванович, – устало ответил Чертанов. – Мы все вместе на общем собрании решили туда плы... идти.

– Ясно. И что это за порт?

– Порт-Вариус – главный перекресток путей архипелага Кромаку, – произнесла Стефания. – Там встречаются торговцы и путешественники из всех стран и со всех островов. Порт-Вариус – независимый порт, никому не принадлежащий и никем не контролируемый. Если верить слухам, Тур Ганикт там бывает довольно регулярно.

– И что, думаешь, мы его там встретим?

– Даже если нет – там обязательно будет кто-нибудь, кто его знает. Возможно, мы получим какую-нибудь наводку.

– В любом случае это наша единственная ниточка, – напомнила Света. – На Магуке и в Наранно мы уже были. Если не в Порт-Вариус, то остается только Черепаший остров...

– Он, кстати, довольно близко отсюда, – заметила Стефания.

– Да, но это очень большой остров, – произнесла Света, глядя на карту. – Почти с Великобританию размером. И он практически необитаемый. Даже если мы там окажемся, то не будем знать, где конкретно искать этого Ганикта. У нас ведь нет никакой информации. А если просто плавать вдоль береговой линии, высматривая, нет ли где корабля... это может занять целую вечность.

– Как знаете, – пожала плечами Стефания. – Дело ваше. Но Порт-Вариус гораздо дальше.

– Зато там будет чем поторговать, – сразу ухватил суть Колобков. – И развлечения какие-нибудь уж верно найдутся. Например, луна-парк с блек-джеком и шлюхами...

– Папа! – возмутилась Света.

– Что? Я ж не говорю, что я туда пойду. Так просто сказал, разговор поддержать. Короче, этот Порт-Вариус – он тут типа местного Сингапура, верно?

– Наподобие.

– Значит, нам туда.

Глава 4

– Светка, зырь, рыба летучая! – возбужденно завопил Вадик, едва не вываливаясь за борт. – Зырь, зырь, сколько!

– А вон еще, вон еще! – принялся тыкать пальцами Гешка. – Светка, дура, иди сюда быстрее, пропустишь же все!

Света снисходительно посмотрела на братьев, подходя к борту. Тридцать лет на двоих – а ума, как у пятилетних. Все из-за тлетворного влияния телевидения, Интернета и вообще современной культуры масс-медиа. Эта гадость выедает мозг почище кислоты.

Из воды вылетела еще одна стайка летучих рыб. Небольшие, ладные, похожие на крохотные самолетики, они вынеслись на поверхность и принялись набирать высоту. В воде прошла крупная темная тень – похоже, за рыбами гнался какой-то хищник.

– Как они вообще летают?.. – зачарованно спросил Вадик. – Крыльев же нету ни пени!

– Зато есть увеличенные грудные плавники, – тут же воспользовалась возможностью Света. – В поверхностном слое воды летучая рыба очень разгоняется, а затем все тело кроме хвостового плавника оказывается над водой. Нижняя лопасть этого плавника тоже сильно увеличена, и в момент взлета работает с необычайной частотой. Почти как лодочный мотор. Это позволяет оторваться от воды. После этого рыба расправляет плавники и планирует, как дельтаплан. Некоторые виды могут пролететь так до четырехсот метров.

– А потом опять плюхаются? – разочарованно спросил Гешка. – Индетерминизм...

– Ну так на то она и рыба, – хмыкнул стоящий рядом отец. – Ты вон вообще летать не можешь, но я ж ничего не говорю.

– Зато Петрович может, – осклабились близнецы.

– Так, пацаны, вы старшим не хамите без веской причины. Это он для меня Петрович, потому что я ему товарищ и начальник. Мне можно. А для вас он не

Петрович, а Евлампий Петрович. Или хотя бы дядя... дядя... вот ведь имечко, никак не уменьшается...

– Дядя Ева? – сделал наивное лицо Гешка.

– Дядя Лампа? – присоединился к нему брат.

Колобков молча хлопнул по коротко стриженным затылкам. Близнецы обиженно надулись и замолкли. Папаня решил устроить очередной урок вежливости и культурного поведения. На ровном месте решил, ни с того, ни с сего. Он вообще в этом отношении непредсказуемый – никогда не угадаешь, к чему вдруг придерется.

А Петровича на яхте только Петровичем и называют. Все, даже воспитанный герр Грюнлау.

Закончив с воспитательным процессом, Колобков уставился на горизонт. На горизонт... точнее, на то место, где он должен быть. На Эйкре нет горизонта. Этот мир не имеет ничего общего с шаром, как планета Земля. Эйкр – плоскость. Плоскость, уходящая в бесконечность.

Океан вокруг простирается так далеко, насколько хватает зрения. В необозримую даль. Взгляд летит все дальше, пока наконец воздушная толща не утрачивает прозрачность. Или пока взгляд не упирается в горы. Именно это предстает на востоке – длинная темная полоска береговой линии. Там лежит громадный остров, разделенный между государствами Юберия и У-л’тра-лет.

Кап. Колобков скосил глаза и с возмущением обнаружил на груди пятнышко желто-серого гуано. Одна из парящих над головой чаек наградила его «медалькой».

– Чайки меня уже реально достали, – недовольно сообщил Колобков. – С этим надо что-то делать. Гюнтер, у тебя патронов сколько осталось?

– Ровно семь штук, Петер.

– Мало, черт...

– Что?! – огрызнулась Стефания.

– Да ничего, успокойся. Геныч, Валерыч, а вы как?..

Телохранители неразборчиво замычали, мотая головами. У них еще осталось по паре магазинов на брата, но на целую стаю чаек этого не хватит. Разве что попробовать распугать.

– Нет, патроны мы зря переводить не будем... – задумчиво поднял голову Колобков. – Мы пойдем другим путем, как говорил наш незабвенный вождь... Петрович, ты как насчет соколиной охоты?

– Это чего, меня вроде как заместо сокола охотничьего? – приоткрыл клюв здоровенный беркут. – Не, Иваныч, так у нас дело не пойдет. Я тебе чаек ловить не подписывался.

– Не надо упрямиться, Петрович. Давай на старт, орел ты наш сизокрылый!

Судовой механик не сдвинулся с места. Только повернул голову направо, меряя Колобкова недовольным взглядом.

– Петрович, ну тебе ж нравится летать!

– Летать – нравится. За чайками гоняться – не нравится. Может, ты меня их еще и есть заставишь? На подножный корм переведешь, так сказать?

– А если за бутылку? – хитренько улыбнулся Колобков.

– Так это ж совсем другой разговор, Иваныч! За бутылку я тебе этих чаек!.. хотя погодь-ка. У тебя разве еще что-то осталось?

– Конечно, осталось!

– А покажи сначала.

Колобков криво усмехнулся, косясь на Стефанию. После побега от юберийских шотелидов та впала в жуткую депрессию и уничтожила все, что оставалось в судовом баре. А до этого Колобков и сам неоднократно устраивал пирушки – бухал то с папуасским царьком, то с юберийскими чиновниками...

Так что сейчас в баре хоть шаром покати. Ни капли алкоголя. И на всем остальном судне тоже.

Если у кого и припасена заначка на крайний случай, так разве что у самого Угрюмченко.

– Не, Иваныч, – тоже все это сообразил механик. – Звиняй. Тебе чайки мешают – вот сам за ними и гоняйся. А я пас.

– Эгоист ты, Петрович.

– Прагматик.

– Эгоист, эгоист... Ну да хрен с тобой, мы сейчас флотскую смекалку применим...

Колобков на пару секунд задумался, поскреб подбородок, а потом резко прищелкнул пальцами и спросил:

– Петрович, а у тебя часом карбида в заглашнике не завалялось?

– Есть мал-мала, – осторожно ответил беркут. – А что?

– Дело. Вадик, дуй с Петровичем в его закрома, тащи мне сюда карбид. Гешка, дуй к мамке на камбуз, тащи мне сюда хлеба. Да побольше.

Пакет с карбидом кальция был доставлен уже через минуту. При должном старании в запасах хозяйственного Угрюмченко можно отыскать самые неожиданные вещи.

Хлеб тоже принесли. Два липких тяжелых караваев.

– Это тот овсяной, который у папусов купили, – лениво сообщил Гешка. – Другого нету.

– Ничего, мне его не есть. Так, братва лихая, объясняю задачу. Аккуратно берем комочек карбида, облепливаем хлебом и... швыряем как можно выше. Задача ясна? Приступаем.

Вадик с Гешкой сначала хотели по привычке заныть и запротестовать, но потом одновременно решили, что занятие обещает быть прикольным.

Хотя смысл и непонятен.

Колобков первым увлеченно начал лепить пирожки с карбидом. Сыновья дружно принялись помогать отцу. Присоединился и Чертанов – правда, с донельзя брезгливой миной.

Стефания участвовать отказалась. Она только презрительно фыркнула и уселась на фальшборт лицом к морю. Хвост со стреловидным окончанием бешено заколотил по палубе, выдавая раздражение хозяйки. Раздражение всем сразу – и глупостью ничтожных смертных, и невозможностью вернуться домой, и необходимостью приглядывать за полоумными волшебниками.

– Фанька, не отлынивай, – укоризненно произнес Колобков.

Он любовно слепил из теста аккуратный шарик, протолкнул внутрь комочек карбида и с силой подбросил «пирожок» над головой.

Ближайшая чайка тут же метнулась к угощению, ловя его на лету. Клюв сомкнулся, хлебный мякиш прошел по птичьему горлу и угодил в желудок.

– Первая есть... – удовлетворенно потер руки Колобков.

В течение следующих минут добрых три дюжины чаек тоже проглотили хлеб с химической начинкой. Улыбка на широком лице Колобкова становилась все шире и шире...

Хлопок! Далеко позади в воду что-то упало. Вадик и Гешка принялись рвать друг у друга бинокль, изумленно таращась на дохлую чайку. Несчастливая птица выглядела так, словно ее разорвало изнутри.

– Это она чего?.. – указал пальцем Гешка.

– Карбид кальция при контакте с водой означает бурную химическую реакцию, – покровительственно объяснила Света.

– А по-русски?

– Взрывается. Не очень сильно, но для чайки достаточно.

– Что, правда? – с новым уважением посмотрел на грязновато-белую массу Вадик.

– В натуре, что ли? – отколупнул кусочек Гешка, поднося его к самому лицу.

– В рот не тянуть! – отобрал у сыновей карбид Колобков. – Несварение хотите? Тут одним несварением не обойдетесь!

– Бать, а ты откуда про это знаешь? – поинтересовался Вадик.

– Ну вы, щеглы, совсем уж папку не уважаете! – обиделся Колобков. – Я, чай, двадцать лет на стройке вкалывал! Неужели в карбиде разбираться не могу? Да мы еще в ликбезе его водой обливали, а потом глядели, как здорово пшикает!

Что отец у них разбирается в карбиде, близнецы уже увидели. Наглотававшиеся дармового угощения чайки одна за другой взрывались, распугивая своих же товарок. Через несколько минут небо над яхтой полностью очистилось. Только приглушенные крики извещали, насколько оскорблены птицы таким подлым обманом.

Чаяк разогнали, и Колобкову опять стало скучно. Он сонно зевнул и начал прикидывать, не залечь ли дрыхнуть на часок. Все равно больше заняться нечем.

– Зиночка-а-а-а!.. – жалобно проныл Колобков, показываясь на пороге камбуза. – Зинулик, мне скучно! Твой пупсик хандрит!

– Ну так иди займись чем-нибудь! – огрызнулась захлопотавшаяся супруга. – А мне не мешай!

– Зинулик, а обед скоро? – сунул нос в кастрюлю голодный муж.

– Скоро. Иди, иди пока отсюда.

– Зинулик, а что ты нам готовишь?

– Сама пока не знаю. Что получится, то и будете жрать.

– Ой, да ты холодна ко мне сегодня! – окончательно разобиделся Колобков. – Нет, ну я так совсем не играю!

– Вот и вали.

Колобков закрыл дверь и надул щеки. Верно говорят, что люди во время готовки озлобляются. Иногда даже звереют.

Вернувшись на палубу, он обнаружил, что народ почему-то собрался у левого борта. И взгляды у всех какие-то странные.

– Чего там?.. – заглянул Колобков. – Ого! Ух ты...

Оказалось, что за бортом тоже полно народу. Целая вереница гигантских плотов, связанных канатами, и на каждом люди. Да не привычные чернокожие, как мбумбу или юберийцы, а всего лишь немного смуглые, с кучерявыми волосами.

На «Чайку» и ее пассажиров эти странные мореплаватели смотрели без малейшего интереса. Точно так же, как на волны или птиц в небе.

Все спокойно занимались своими делами. Мужчины дежурили на краях плотов с острогами, чинили сплетенные из травы шалаши. Женщины стирали, чистили рыбу, кормили детей. Ребятня с веселыми визгами носилась по плотам, плавала в воде. Совершенно нормальный повседневный быт.

Посреди открытого моря.

– Глянь, Фанька, у народа кораблекрушение приключилось, – немного оторопело произнес Колобков. – Помочь, может?

– Не надо, – вяло ответила Стефания. – Это племя трамбуледи. Они всю жизнь проводят на блуждающих по океану плотам. Питаются в основном сырой рыбой.

– А на сушу что... ни-ни?..

– Никогда. По их поверьям, человек, ступивший на твердую землю, теряет человеческий разум и превращается в злого духа. Поэтому они никогда не высаживаются на берег сами, а с чужаками общаются только в случае предельной необходимости. Они считают, что все жители суши – злые духи.

– Фигасе! – поразился Колобков. – Эти бомжи, что, все поголовно бошками ударились?

– Спроси их, – пожала плечами чертовка.

За Колобковым такое никогда не задерживалось. Он моментально перегнулся через борт и заорал что есть мочи:

– Э-э-э-э-э-эй!.. Мужики-и-и-и-и-и-и!.. Вы чё, больные?!!

Кое-кто из проплывающих мимо трамбуледи лениво посмотрел на вопящего толстяка. Но большинство даже не потрудились повернуть голову. Создавалось впечатление, что «морские цыгане» решили полностью игнорировать «Чайку».

– Они тебя не понимают, – ехидно сообщила Стефания, когда Колобков наконец устал кричать.

– Серега! – тут же махнул рукой тот. – Серега, ком цу мир, шнель, камрад, быстро! Начальству переводчик нужен!

Чертанов неохотно поплелся переводить шефу. Но было слишком поздно – за кормой остался уже последний плот. Колобков недовольно покосился на медлительного переводчика и в двух словах высказал все, что он думает о такой нерасторопности.

– Зачем они вообще вам понадобились, Петр Иванович? – кисло поинтересовался Чертанов.

– Ну ты, Серега, вечно мне какие-то глупые вопросы задаешь. Зачем, зачем... Не твое дело, зачем! Может, я и их тоже хочу хлебушком покормить! Как чаек.

– Давайте тогда попросим Василия Васильевича штурвал повернуть, пока не поздно. У нас транспорт быстрее ихнего – догоним. И кормите тогда, сколько влезет...

– Да хрен бы с ними, – уже охладел к этой идее Колобков. – У меня таких и дома полно. Только не плавучие.

Привлеченные криками, на палубу гуськом вышли мудрецы. Первым – важный Каспар, подметающий палубу бородищей. Вторым – раздраженный Бальтазар, косящий вокруг подозрительным взглядом. Третьим – радостный Мельхиор, весело размахивающий над головой какой-то тряпкой.

– Блин, дед, а ну надень трусы! – заорал Колобков, сообразив, что эта тряпка – не просто тряпка, а набедренная повязка. Единственный предмет одежды Мельхиора. – Что, совсем очумел, стриптиз мне тут устраивать?!

– Мельхиор немного склонен к эксгибиционизму, – равнодушно сообщила Стефания. – Просто не обращайтесь внимания, и он перестанет.

– Не обращать внимания на голого старого негра? – повертел пальцем у виска Колобков. – Ну ты, Фанька, иногда как скажешь... эй, дед, а ну оденься! Быра оделся мне! Тут же дети!

– Где? – завертел головой Мельхиор.

– Геныч, Валерыч, хватайте черного! – скомандовал Колобков. – Нефиг тут причиндалами трясти!

Телохранители мгновенно встали в стойку. Скупыми отточенными движениями они начали забирать Мельхиора в клещи. Тот счастливо улыбнулся, видимо, решив, что с ним играют, и подпрыгнул вверх.

Метров на двадцать.

Гена и Валера растерянно уставились вслед улетевшему волшебнику. Мельхиор уставился на них.

Падать обратно он даже и не подумал.

– Летающий негр... – задумчиво прокомментировал Колобков, задрав голову. – Чего только на свете не бывает...

– Что нам делать, шеф? – пробасил Гена.

– Ну я не знаю, сбейте его, что ли... – почесал подбородок Колобков.

Телохранители заученными жестами выхватили пистолеты и спустили курки. Две пули со свистом прочертили воздух... и с мягким шуршанием отскочили, даже не оцарапав черной лоснящейся кожи. Мельхиор заливисто рассмеялся, вращаясь над яхтой.

Единственным достижением оказалось то, что от неожиданности он уронил набедренную повязку.

Дюжина взглядов проводила падающую в море тряпку. Колобков поджал губы, побряхтел и скомандовал:

– Вадька, быстро метнулся в каюту дяди Сережи, принес мне какие-нибудь его трусы.

– А почему мои? – растерялся Чертанов.

– Потому что мои этому негру будут широки, – похлопал себя по бокам Колобков. – Ты ему по комплекции ближе. Геныч, Валерыч, а вы чего стоите? Давайте, думайте, как этого черножопого вниз спускать! Болтается там, понимаешь, как Винни-Пух на шарике... Светулик, прелесть моя златокудрая, ты что там делаешь? Мне твоя соображалка нужна!

Света даже не откликнулась. Последние пять минут она занималась тем, что пыталась уговорить Каспара снять платье Зинаиды Михайловны. Тот сопротивлялся и протестовал, но девушка настаивала, с ужасом думая, какой скандал закатит мама, если это увидит.

– Дедушка, пожалуйста, ну снимите мамино платье! – жалобно просила Света.

– А разве оно мне не идет? – искренне огорчился Каспар.

– Совершенно не идет, поверьте мне! Вам гораздо больше подходит ваш обычный имидж! Давайте я вам сейчас принесу ваш халат, хорошо? Евгений, принеси дедушке халат, пожалуйста!

– Но разве это платье не прелестно? – продолжал расстраиваться Каспар.

– На женщине – да! А на седом длиннобородом старике оно выглядит ужасно! К тому же оно вам узко! Вы же его растянете, дедушка! Его же потом носить нельзя будет!

– Можно, – не согласился Каспар. – На голове.

– Да помогите же мне кто-нибудь! – в отчаянии взмолилась Света.

– Я с удовольствием помогу тебе, дитя, – вкрадчиво произнес Бальтазар. – Подержи его за руки, а я перережу ему горло.

Света в ужасе отшатнулась. Произнеси эти слова кто другой, она бы, пожалуй, приняла их за неудачную шутку. Но у Бальтазара напрочь отсутствовало чувство юмора. Он всегда совершенно серьезен.

– Дедушка, вы...

– Я сделаю это с радостью, – пообещал Бальтазар, доставая кривой нож.

Общими усилиями с мудрецами кое-как справились. Каспар в очередной раз заснул – с него стянули платье и надели обратно халат. Бальтазара уговорили убрать нож и успокоиться. Мельхиору надоело парить в воздухе, и он спустился на палубу, где его тут же взяли в оборот.

– А что это за штука? – вежливо поинтересовался он, нюхая семейные трусы в горошек. – Это можно есть?

– Это мужские трусы, – терпеливо ответила Света. – Одежда. Есть ее нельзя, зато можно носить. Надевайте, дедушка. И без споров.

Новый предмет одежды Мельхиору неожиданно понравился. Он тут же его напялил и побежал к Каспару и Бальтазару – хвастаться. Но первый встретил его громким храпом, а второй – руганью.

– Почему ты все время ходишь голым? – брюзгливо спросил Бальтазар, закончив браниться.

– Потому что таков естественный порядок вещей. Человек рожден быть голым. Я родился голым. Все родились голыми. Мы приходим в этот мир нагими, мы омываем наши тела нагими, мы занимаемся любовью нагими...

– Говори только за себя. Лично я занимаюсь любовью в одежде.

– А?! – встрепенулся Каспар. – Кто тут занимается любовью?!

– Никто. Спи.

– А-а-а... Жаль, жаль. А я-то уж надеялся, что смогу принять участие. Я уже очень давно не делал ничего подобного.

– И я тоже, – с грустью кивнул Мельхиор. – Возраст сказывается. Кажется, последний раз было... когда же это было?..

– В Йемене, – вспомнил Бальтазар. – Да, точно, в Йемене. Помните ту лунолицую девицу из торгового квартала? Ее глаза были подобны небесным звездам, а лицо было подобно обрезку полной луны!

– А, как же, как же! – оживился Каспар. – Я помню! Я могу забыть собственное имя, но я никогда не забуду те два пышных холма! О, мои руки до сих пор помнят их мягкость и упругость!

– А помните, какой прелестный был у нее голосок? – присоединился Мельхиор. – Помните, какие звуки она издавала, когда я всадил ей в...

Света почувствовала, что краснеет, и поспешила отойти подальше. Эти старые маразматики совершенно никого не стесняются. Беспардонно обсуждают даже самые непристойные вещи.

Вчера, например, когда Бальтазар сидел в гальюне, двое других стояли рядом, внимательно наблюдали и даже комментировали. А Мельхиор еще и подсчитывал что-то на абаке.

– Папа, повлиял бы ты на дедушек... – подошла к отцу Света.

– Погодь, дочь, – остановил ее Колобков, задравший голову. – Пять секунд.

И вверх смотрел не только капитан яхты. Все собравшиеся зачарованно пялились на небо. Света тоже подняла взгляд... и изумленно ахнула. Через всю синь небосвода протянулась бесконечная тонкая линия.

Железнодорожный рельс.

– Это, Светулик, монорельс! – важно поднял палец Колобков. – Так Фанька сказала.

– Монорельс?.. Но откуда он...

– Вы лучше вон туда глядите, – вытянула руку Стефания.

К шуму волн и легкому гудению дизеля незаметно прибавился еще один звук. Нарастающий шипящий свист. По бесконечной металлической струне мчался... поезд?!

Все головы резко дернулись. Небесный поезд пронесся над «Чайкой» с такой скоростью, что его даже не успели рассмотреть. Грюнлау запоздало щелкнул фотоаппаратом, но кадр запечатлел только расплывчатую полосу.

– Это чё за хрень была?.. – сдавленно прохрипел Колобков, по-прежнему таращась на небо.

– Поезд, – пожала плечами Стефания.

– Понял, что поезд. Какого хрена он тут?.. там... был...

– Эйкр – огромный мир. Бесконечно огромный. Тут есть самые разные цивилизации. В том числе и технически развитые. Одна из них этот монорельс и протянула. И нет, я не знаю, какая именно. И на своей лоханке вы до них вряд ли доберетесь. Сами видели, какие они используют скорости. Тут многие тысячи миль...

– Песец... А местные папуасы как на такую байдю реагируют?

– Да никак. Местные тут ко всему привычные. Они таких чудес насмотрелись, что вам и не снилось. Насколько мне известно, юберийцы называют этот монорельс Паутиной Небесного Паука и относятся к нему... ну, как к радуге. Виднеется что-то такое в небе – ну и пусть себе виднеется.

– А те, что в поезде ехали?

– А что с ними?

– У них какие с местными папуасами отношения?

– Да никаких. У них сверхзвуковые небесные поезда. Думаете, их чем-то могут заинтересовать голые дикари, пляшущие где-то в джунглях? Вас самих-то сильно интересуют... ну, скажем, африканские бушмены?

– Если у них вдруг нефть отыщется, так они весь мир сразу заинтересуют... – пробурчал Колобков. – А так... так, нафиг они мне, конечно, не сдались...

– У юберийцев нефти нет, – отрезала Стефания. – И не нужна она этим с их монорельсами – их поезда работают на гелии-3. Зато в архипелаге Кромаку есть остров, где растут цетановые деревья.

– Какие-какие?..

– Цетановые. У них вместо сока течет цетан. Жидкий. И очень качественный.

– А что это?

– Углеводород.

– Не понял.

– Да топливо это, Иваныч! – вмешался Угрюмченко. – Дизельное топливо! Слышь, девчурка, это, что, прям-таки в дереве горючка течет?! Вроде березового сока, что ли?!

– А я вам о чем говорю? – презрительно фыркнула Стефания.

– Такое разве бывает? – не поверила Света.

– А почему бы нет? Ты же не удивляешься каучуковому дереву? Почему бы не быть и цетановому? Здесь есть остров, на котором целый лес таких деревьев.

– Нехило... – задумался Колобков, уже что-то подсчитывая в уме. – Гюнтер, как думаешь?..

– Петер, нам необходимо туда заглядывать, – твердо сказал немец. – Семена и саженец такой дерево могут весьма помочь экономика наших стран и кошельки наших с тобой.

– Ага, ага, – закивал Колобков. – Фанька, этот остров отсюда далеко?

– В паре сотен миль от Порт-Вариуса. Даже курс менять не придется.

– Значит, обязательно заглянем, – жадно потер руки Колобков. – Кто за?.. Кто против?.. Против нет, единогласно.

Глава 5

Ложка звякнула о тарелку. Света чинно промокнула губы салфеткой и отставила салат в сторону.

– Светочка, почему не доела? – тут же забеспокоилась мама. – Тебе что, не понравился салат?

– Нет, мама, все было очень вкусно. Просто я больше не хочу.

– Но тут осталось-то на донышке. Доешь. Салат вкусный. И масло отличное, без холестерина.

– Конечно, без холестерина. Оно же растительное.

Зинаида Михайловна недоуменно моргнула. Света вздохнула и терпеливо объяснила:

– Мама, растения не образуют холестерин. Только картошка, и то совсем чуть-чуть. А в подсолнечном, оливковом или кукурузном масле холестерина нет и быть не может. Так что и писать это на этикетках совсем не нужно. Просто обычный рекламный ход, базирующийся на обывательской неграмотности.

– Но все равно... – смутилась мать. – Без холестерина... полезное, значит...

– Ничего подобного. Холестерин – это не токсин. Наоборот, это одно из важнейших для жизни веществ. Человеческий организм ежедневно производит холестерин – он нужен для правильного функционирования организма. Конечно, если холестерина слишком много, то это может вызвать сердечно-сосудистые заболевания...

– А я что говорю!

– Ну мама! Так ведь и кислород становится вредным, если его переизбыток! Все хорошо только когда в меру! Нехватка холестерина тоже очень вредна – это вызывает депрессии и просто плохое самочувствие.

Зинаида Михайловна поджала губы, кладя в чай еще кусочек сахара. Иногда ей хотелось, чтобы старшая дочь вела себя попроще. Хорошо, что Светочка такая эрудированная, но она могла бы и не тыкать этим в глаза при каждом удобном случае.

– Кстати, особенно много холестерина как раз в сахаре, – как бы между делом заметила Света. – А ты, мама, в каждую чашку кладешь по пять кусков.

Зинаида Михайловна, как раз отхлебнувшая из чашки, едва не поперхнулась. Сидящий напротив отец семейства радостно загыгикал, брызгая томатным соусом.

– А что ты ешь, капитан? – сунул розовый нос в соседнюю тарелку Лайан Кграшан.

– Вермишель с фрикадельками, – отодвинул стул Колобков. – Тебе не дам.

Зинаида Михайловна молча подала хумаху миску вермишели. Тот вежливо поблагодарил и начал есть, втягивая вермишелинки по одной.

– Чего ты вообще за стол уселся? – пробурчал Колобков. – Хуймяки должны есть из кормушки. И крутить колесо.

– Да он вообще ничего полезного не делает, – пожаловалась Зинаида Михайловна. – Только спит и ест... и иногда ходит в туалет.

– Да, и я считаю, что это правильно, – мягко согласился Лайан. – Свод Тарэшатт учит нас, что после сна нужно обязательно поесть. А после еды – поспать.

– Но это же замкнутый круг получается, – почесал в затылке Колобков.

– Да. В этом и есть смысл жизни хумаха. Все повторяется в этом мире, каждое событие однажды было и снова будет. Мы едим, а потом спим. Мы спим, а потом едим. И так вечно, до скончания времен.

– Хорошо вы устроились... – завистливо надул губы Колобков.

– Тебе ничто не мешает вести аналогичный образ жизни, капитан.

Колобков только вздохнул.

– Кому еще добавки? – поднялась из-за стола Зинаида Михайловна. – Герр Грюнлау?.. Василий Васильевич?.. Оля, хочешь еще что-нибудь?..

– Подойди сюда, добрая женщина! – послышался дребезжащий голос.

Мадам Колобкова горестно вздохнула. Опять у этих троих что-то случилось. У них все время что-то случается. Они даже поесть нормально не могут – непременно продемонстрируют себя во всей красе.

А едят мудрецы на редкость много. Тот же Лайан Кграшан, например, съел одну только тарелочку вермишели, а сейчас деликатно обтачивает персик. От фрикаделек он вежливо отказался – будучи существами растительной природы, хумахи не употребляют мяса.

Зато Каспар, Бальтазар и Мельхиор наворачивают за обе щеки. Перемазались, как хрюшки. Каспар вообще вытирает с лица соус собственной бородой.

– Скажи, добрая женщина, что это за навозные катышки у меня в тарелке?! – испуганно указал Мельхиор.

– Это фрикадельки. Кушайте, дедушка.

– Я их не буду! – отшатнулся мудрец. – Они страшные!

– Не хотите – не ешьте. А вам-то, надеюсь, нравится, дедушка? – обратилась Зинаида Михайловна к Бальтазару.

Тот злобно сощурил и без того узкие глаза, тыкая вилкой так, словно желал расколотить тарелку. Снежно-белые зубы скрипнули, и Бальтазар процедил:

– На вид – гадость!

Он крайне неохотно подцепил вилкой фрикадельку с вермишелью, еще неохотнее сунул ее в рот и начал медленно жевать. Прожевав, мудрец провозгласил:

– И на вкус тоже!

– Господи!.. – закатила глаза Зинаида Михайловна, едва удерживаясь, чтобы не вырвать тарелку у дурного старика.

Отвращение из взгляда Бальтазара никуда не делось. Но следующую фрикадельку он проглотил уже быстрее. А потом и вовсе принялся уплетать их одну за другой, перемежая жевание ворчаньем:

– Какая мерзость!.. Какая же все-таки мерзость!..

Очистив тарелку, он для верности облизнул ее с обеих сторон и требовательно рявкнул в лицо Зинаиде Михайловне:

– Дай еще!

Каспар тем временем проделывал какие-то странные манипуляции с персиками. Разрезал их один за другим надвое, выковыривал косточку и сверлил ее пристальным взглядом. Сладкую мякоть отбрасывал, как ненужный мусор.

– Эврика! – неожиданно воскликнул он. – Я совершил открытие необычайной важности! Внимайте мне, люди, я открою вам великую тайну!

За столом воцарилась тишина. Все недоуменно уставились на пыжащегося от удовольствия старика. Тот дождался полного внимания и торжественно произнес:

– В каждом персике содержится косточка!

Обедающие вежливо подождали несколько секунд. Но Каспар пододвинул к себе кастрюлю с оставшейся вермишелью и принялся запихивать ее в рот прямо руками.

Он сказал все, что хотел.

Зинаида Михайловна поставила на поднос заварочный чайник и задумчиво произнесла:

– А вот интересно, что эти трое ели раньше?

– Когда раньше? – не понял Колобков.

– Когда их никто не кормил. Как они добывали себе пропитание на том необитаемом острове? Ну не картошку же сажали!

Колобков задумался. В голове появился образ мудрецов, дружно полющих сорняки на картофельном поле. Зрелище оказалось таким диким, что Колобков вздрогнул и помотал головой. Немного поскребя лысину, он успокоительно выставил ладонь и пообещал супруге:

– Щас спросим. Деды, где вы себе хавчик доставали?

– А?.. – недоуменно моргнул Каспар, копаясь в волшебном колпаке. – Что?..

– Я говорю...

Каспар выудил из колпака жареную куриную ногу и впился в нее зубами. Колобков запнулся. Немного помолчал и рассудительно произнес:

– Вопрос снимается.

Зинаида Михайловна молча подала мужу поднос с чайными принадлежностями. Тот внимательно изучил содержимое сахарницы, поднялся из-за стола и покинул кают-компанию. Балансировать с подносом в одной руке оказалось нелегко. Но другая рука занята тростью.

– Куда пошел этот человек? – всполошился Бальтазар. – Куда он пошел?

– Подвиги былинные совершать! – хохотнул Колобков, открывая дверь тростью.

– Подвиги? – заинтересовался Каспар. – А мы тоже много раз совершали подвиги! Помню, однажды, давным-давно, мы спасли одну деревню от нашествия ужасных волков!

– Но это же замечательно, дедушка! – обрадовалась Света. – А как вы это сделали?

– О, это было легко для таких великих мудрецов, как мы! Мы просто совершили чудо и превратили всех волков в саблезубых тигров!

– Ого... и что потом?

– Саблезубые тигры сожрали всех жителей деревни!

– И жили потом долго и счастливо! – поддакнул Мельхиор.

Каспар добродушно улыбнулся в бороду и воскликнул:

– А вот припоминаю еще один замечательный случай. Однажды, давным-давно, я встретил бедную девушку, которая очень хотела пойти на бал и потанцевать с принцем. Мне стало жалко бедняжку, и я превратил ее в тыкву!

– Зачем?! – поразились Света.

– А что, не надо было?.. – растерялся Каспар. – Не надо было разве?..

– Ты поступил совершенно правильно, – положил руку ему на плечо Бальтазар. – Я горжусь тобой.

– Спасибо. Только... кто ты такой?

Света поднялась из-за стола, держась за лоб ладонью. Все-таки папа совершенно прав, что жаждет поскорее избавиться от трех мудрецов. Они подобны бомбе с поврежденным таймером – ни за что не угадаешь, в какой момент рванет.

По стеклу поползли водяные струйки. Снаружи начался дождь. Света вздохнула – ей хотелось позагорать в шезлонге.

Правда, загорать по-настоящему на Эйкре не получается – мешает отсутствие солнечных лучей. Разлитый в воздухе тепорий дает куда более слабый эффект. Ультрафиолет в нем явно тоже есть, раз кожа туземцев так богата меланином, но действует он как-то по-другому.

Впрочем, просто полежать и полюбоваться морскими волнами вполне можно и здесь.

Когда нет дождя, конечно.

– Ладно, пойду тогда в компьютер поиграю, – задумчиво произнесла вслух Светлана.

Близнецы Колобковы, услышав это, мгновенно встрепенулись. Зловредная сестра сейчас займет вожаденное сиденье, и из колонок долгие часы будет раздаваться только дурацкий треп Джорджа Стоббарта.

– Амааааааа!.. – воскликнул Вадик, давясь горячим чаем.

– Ыхых-ыхых!.. – присоединился Гешка, чуть ли не пальцами пропихивая в горло остатки вермишели.

Суматошно дожевав, они вскочили из-за стола и бросились по коридору, спеша обогнать глупую Светку. Компьютер один, народу много. Приходится вертеться.

– Эй! – возмущенно вскрикнула Света, когда мимо нее пронеслись два плотненьких смерчика. Близнецы едва не сбили сестру с ног. – Я первая заняла!

Однако вбежав в семейные апартаменты, Вадик и Гешка мгновенно поникли. Место оказалось уже занято – и не одним из них, а дядей Сережей. Этого просто так не сгонишь.

Чертанов уже полчаса кисло таращился в монитор, время от времени щелкая мышкой. Мелкие ламеры опять залезли черт знает куда и наворотили черт знает чего. Пацаны шефа мнят себя крутыми хакерами и постоянно рвутся чего-нибудь «настроить». А ему потом приходится за ними разгребать.

«Диспетчер задач отключен администратором». Чертанов дважды прочел всплывшую надпись и задумался, как этим мелким удалось отключить диспетчер задач. Ведь обрезал же им права по самые помидоры – нет, все равно как-то прорываются.

Продолжая размышлять, Чертанов рассеянно откусил от бутерброда. На клавиатуру посыпались крошки. Под пробел робко втиснулся кусочек колбасной кожицы.

– Дядя Сережа, что вы делаете?! – возмутилась Света. – Нельзя же за клавиатурой есть!

– Админу можно, – равнодушно ответил Чертанов. – Ваш папа вообще пьет чай в туалете.

Света смущенно кашлянула. Да, Колобков-старший действительно имеет привычку проводить чаепитие в гальюне. Раньше у него бывали по этому поводу споры с супругой, но в конце концов та смирилась.

Посмотрев на монитор, Света решила, что можно пока заняться и чем-нибудь другим. В отличие от бестолковых братишек, она прихватила в путешествие целых полдюжины увлекательных книг. Биографию Сципиона Младшего, томик капитана Марриэта, «Отверженных» Гюго, «Двух капитанов» Каверина и два сборника научно-фантастических рассказов – «Убить Семяцкого» и «Спасти Семяцкого». Более чем достаточно, чтобы скоротать часок-другой.

- Светка-а-а-а-а!!! Вадька-а-а-а-а-а!!! Гешка-а-а-а-а-а!!! Ольга-а-а-а-а-а!!! –
разнеслось по коридору. – Детеныши-и-и-и-и-и-и!!!

Светлана демонстративно уселась на диван и раскрыла первую попавшуюся книгу. Вадик с Гешкой посмотрели на нее, как на предательницу.

Когда Колобков-старший созывает отпрысков, надо мчаться со всех ног – иначе будет скандал, возмущение и бесконечные нотации. Но достанется в первую очередь сыновьям – к дочерям суровый папаша относится мягче. Особенно к старшей – младшую все же иногда шпыняет, не в силах смириться с наличием у нее белого сирийского чудовища.

К тому моменту, как близнецы добежали до источника воплей, Колобков уже вконец извелся. Гневные крики и стук палки разносились по всей яхте. Галльюн буквально ходил ходуном.

– Пап, ты чего там?.. – нерешительно поскребся Гешка.

– Сын, сын, прием! – откликнулся Колобков. – Говорит отец, говорит отец! Как слышно меня, как меня слышно?!

– Хорошо слышно!

– А хрена ж вы тогда так долго не отзываетесь?! – взвыл Колобков.

– Да ты чего там, в сортир провалился, что ли?!

– Так, ты мне не хами тут. Молод еще – батьке хамить. У меня бумага кончилась. Принесите рулончик.

Близнецы переглянулись и одновременно выкинули вперед ладони. Вадик – «ножницы», Гешка – «бумагу».

– Тебе идти, дятел.

– Заткнись, козлодой...

Гешка ушел... и пропал. Надолго пропал. По меньшей мере минут на пятнадцать.

Вадик довольно быстро пожалел, что выиграл – в отсутствие брата ему досталась вся головомойка. Рвущийся на волю отец не переставал твердить, что дети у него лодыри и бездельники, причем совершенно непонятно, в кого они такие уродились.

В конце концов братишка вернулся. Но не один, а с матерью. Зинаида Михайловна постучала в дверь и спросила:

– Петя, ты там?

– Да. Бумагу принесла?

– Прости, Петя, нету. Кончилась. На всей яхте кончилась.

– С какого вдруг кончилась?! Много же было! Мы много брали! С запасом!

– Так ты же почти всю маме оставил. Забыл, что ли?

– А-а-а... – задумчиво протянул Колобков.

Он и в самом деле забыл. Забыл, что дражайшая Матильда Афанасьевна, покидая яхту, прихватила с собой львиную долю туалетной бумаги. И еще много чего из хозяйственных принадлежностей – моющие средства, зубная паста, мыло, добрая половина корабельной аптечки...

Колобков ничуть не возражал – разве подобные мелочи способны омрачить величайшую радость в жизни?

Но вот теперь бумага закончилась. И Колобков сожалеючи подумал, что поступил несколько опрометчиво.

– А чем подтираются местные папуасы? – задумчиво произнес он.

– Да я не знаю... – смутилась супруга.

– Листьями, травой или просто руками, – сообщила подошедшая на шум Стефания.

– Хы. Хы. Руками – это как-то не сильно круто... – крякнул Колобков. – Это даже как-то запахло...

– И что делать будем?

– Как что?! Найдите мне что-нибудь! Неужели совсем никакой бумажки на борту нету?! Газетку какую-нибудь притащите, или салфетку!

– Салфеток тоже почти не осталось, – мрачно заметила Зинаида Михайловна. – Как эти три старичка пачкаются – никаких салфеток не напасешься...

– Найдите мне что-нибудь! – громко повторил Колобков.

Поиски туалетной бумаги затянулись надолго. Вопли главы семейства становились все агрессивнее, так что жена, дети и свободные от вахты члены экипажа бегали сломя голову, ища хоть что-нибудь.

Не все, правда. Чертанов по-прежнему сидел за компьютером, бурча себе под нос, что подтирать начальству задницу в обязанности админа не входит. Света лежала на своей кровати, безуспешно пытаясь собрать разбегающиеся перед глазами буквы. Отцовские вопли очень отвлекали.

Зато Стефания включилась в развлечение с большим азартом. Она встала под дверью гальюна, хитро сузила глазки и начала предлагать мающемуся Колобкову все блага земные. В данном случае сводящиеся к тысяче рулонов самой лучшей туалетной бумаги с приятным запахом и вкусом. Более того – она, чертовка первого ранга, собственноручно подотрет уважаемому клиенту все, что

нужно.

В обмен на душу, разумеется.

Колобков на некоторое время даже призадумался. Но потом все же решительно отказался, заявив, что оно того не стоит. Гюнтер Грюнлау, относящийся к этим вопросам не так легкомысленно, как его русский друг, уже все уши прожужжал – сделки с дьяволом до добра не доводят.

В поисках вожденной бумаги Зинаида Михайловна заглянула в судовую прачечную. Ничего подходящего она там не нашла, зато обнаружила трех мудрецов. Госпоже Колобковой пришла мысль, что можно попросить великих волшебников бумагу наколдовать... но она тут же отвергла эту мысль.

Эта троица действительно способна наколдовать все, практически все... кроме того, что действительно нужно.

К тому же в данный момент они были очень заняты. Бальтазар и Мельхиор из всех сил старались запихнуть спящего Каспара в стиральную машину. Так что с этой стороны помощи ожидать не приходится.

Колобков тем временем пристукнул об пол деревянной ногой. Еще раз. Потом еще раз. Получилось некое подобие ритма. Колобков хмыкнул, поднял кверху указательные пальцы и принялся напевать:

– Эх, хорошо в стране советской жить!.. Эх, хорошо и спать, и есть, и пить!.. Эх, хорошо и пить, и есть, и спать!.. А потом все повторить опять!..

– Папка, ты там? – перебил песенку тонкий голосок.

– Ольчик, золотце мое! – обрадовался дочери Колобков. – Ты папе бумажку принесла?

– Бумажки нет. Зато я памперс нашла. Не знаю, откуда он тут взялся. Тебе памперс подойдет?

Колобков тихо вздохнул. Потер лоб и терпеливо произнес:

– Дорогая Ольга Петровна. Возьмите, пожалуйста, свой памперс и наденьте его... да куда хотите, туда и наденьте!

– Куда мне его надеть-то? – обиделась Оля.

– Доченька моя любимая, – просюсюкал любящий отец. – Тебе в самом деле в одиннадцать лет нужно объяснять, куда детям надевают памперсы? На хуймяка своего надень!

– Ладно, тогда я его дедушке Каспару отдам, – решила Оля. – Ему пригодится.

– Да, ему-то уж точно пригодится... – не мог не признать Колобков. – Он в прошлый раз всю палубу... да, ему пригодится...

Оля убежала. Колобков раздраженно заколотил в дверь кулаком. Снаружи слышался голос Гешки:

– Пап, мы нифига не нашли. Так что ты давай, руками работай.

– Сын, ты не осатанел – родному отцу такое предлагать?! – возмутился Колобков. – Неужели совсем ничегошеньки не нашли?! Даже газетки никакой?!

– Все газеты мы на самолетики израсходовали.

– Вот ведь нарожал я оболтусов... – пожалел сам себя Колобков. – Ну так книжку какую принесите! Книжки же вроде были на борту?! Я сам, помню, целых две взял!.. и в Лиссабоне еще одну прикупил... хотя так ведь и не дочитал... больно уж сюжет запутанный... принесите мне книжку!

– Ща принесем! Сразу бы сказал!

Через минуту дверь приоткрылась и внутрь просунулась толстая книга. Колобков уставился на нее крайне подозрительным взглядом.

– Это что? – поинтересовался он.

– Гашек.

– Не трожь святое! – возмутился Колобков. – Любимая книга детства! Гениальная штука! Грех на такое дело расходовать! Другое что-нибудь принеси!

– Что?

– У мамки там посмотри! У нее много!

Через минуту в галльон просунулась другая книга. Колобков наклонил голову, с трудом разбирая буквы, и с досадой подумал, что пора уже обзаводиться очками для чтения. Глаза с годами начали сдавать.

– Это что? – спросил он.

– Дэн Браун.

– О! Идеально! Давай сюда!

Глава 6

Колобков широко зевнул. Лежащая в соседнем шезлонге супруга тоже широко зевнула. Глядя на них, зевнул и хомячок Рикардо, которого Оля вывела на ежедневный моцион.

– Ему надо подстричь когти, – сурово заметил Колобков. – Он мне палубу царапает. Хорошая палуба, между прочим. Больших денег стоила. Мне.

– Да-да, когти надо подстричь... – согласилась Зинаида Михайловна, поправляя темные очки. – Кстати, Петя, ты не видел мою книжку?

– Какую еще книжку?

– «Код да Винчи». Я его не дочитала... а он куда-то делся. Вроде тут где-то оставляла... или в каюте. Ты не видел?

– Не видел. Может, деды взяли почитать? Им это должно быть интересно.

Стефания, стоящая у борта, подняла к глазам бинокль. За последний час она делала это уже трижды, глядя каждый раз в одну и ту же точку.

– Куда смотришь? – вежливо поинтересовался Чертанов.

– Таннин, – коротко ответила чертовка. – Скоро должен показаться Таннин.

– Таннин?.. Что еще за Таннин? Может, Таллин?

– С дикцией у меня все в порядке. Таннин.

– Это что, остров?

– В некотором роде...

Чертанов хотел было расспросить поподробнее, но тут с другого конца палубы послышался шум. Каспар, Бальтазар и Мельхиор в очередной раз подняли гвалт. Похоже, их что-то очень обрадовало.

– Деды, чего гомоним? – лениво приподнял голову Колобков.

– Мы только что сотворили великое чудо! – важно подтянул памперс Каспар. Его все-таки уговорили надеть это замечательное приспособление.

– Это величайшее достижение магической мысли! – кивнул Бальтазар.

– Никто до нас еще не создавал ничего подобного! – захлопал в ладоши Мельхиор.

Все присутствующие сразу насторожились. Команда «Чайки» давно успела усвоить – если мудрецы так собой довольны, это не к добру. Наверняка будет

что-то очень нехорошее.

– И что вы там сотворили? – уселся в шезлонге Колобков, нащупывая палку. – Колитесь, деды.

Каспар отодвинулся в сторону, а Бальтазар с Мельхиором гордо растянули серый холщовый мешок.

Колобков внимательно на него посмотрел. Ничего чудесного не увидел. Мешок. Самый обычный. Кажется, из кладовой Угрюмченко.

– Это артефакт немыслимой мощи! – торжественно провозгласил Бальтазар.

– Аналог великой мельницы Сампо, но еще лучше! – добавил Каспар.

– Поколения магов и мудрецов пытались создать его, но никто не смог! – похвастался Мельхиор.

– А мы смогли!

– Да-да, мы смогли!

– Больше никто не смог!

– А мы смогли!

– Да-да, мы смогли!

– Больше никто не смог!

– А мы смогли!

– Да-да, мы...

– Заткнулись быра! – прикрикнул Колобков, поняв, что у стариков заело пластинку и они пошли по кругу. – Что этот ваш мешок делает? Надеюсь, не

взрывается?

– Нет, не взрывается, – презрительно отмахнулся Бальтазар.

– Хотя это неплохая идея... – задумчиво почесал подбородок Каспар. – Пожалуй, стоит в следующий раз...

– Деда, слушайте меня, – потер лоб Колобков. – Я человек терпеливый, но не очень. Будьте так ласковы, скажите мне, что это за мешок!

– Это не просто мешок!

– Это бесконечный мешок!

– Бесконечный!

– Бесконечный мешок семечек! – гордо воскликнул Мельхиор, воздевая руки к небесам.

В подтверждение своих слов он сунул руку в мешок и продемонстрировал всем горсть жареных семечек подсолнуха. Каспар тут же взял несколько штук и принялся их лузгать. А Бальтазар торжественно перевернул могущественный артефакт, и на палубу хлынул поток черных поблескивающих капелек.

Заканчиваться он даже и не думал. Если бы Гена с Валерой не заставили Бальтазара перевернуть мешок обратно, он потопил бы «Чайку».

– Гопники были бы счастливы... – кисло заметил Чертанов, отворачиваясь к морю.

Однако не все остались так равнодушны. Хомяк Рикардо повертел розовым носом, немного подумал и решительно затопал к горе семечек. Ни у кого не спрашивая разрешения, он сунул туда морду, и его щеки вздулись гигантскими арбузами.

– Ну что ж, проблема с хуймяковым пайком решена, – благодушно произнес Колобков. – В кои-то веки наши деда наколдовали что-то полезное.

– А он точно бесконечный? – осведомилась Оля, глядя питомца по пушистому боку.

– А? – рассеянно повернулся к ней Каспар. – Ты о чем, девочка?

– Да так, ни о чем. Простите, что побеспокоила, дедушка. Идите дальше играйте.

А мудрецы уже и думать забыли о своем изобретении. Они уселись в кружок прямо на палубе и зашушукались, обсуждая что-то важное. Мельхиор увеличил и-визу до размеров шеста и оперся на нее, степенно кивая головой. Бальтазар достал из карманов шесть пузырьков с разноцветными настойками и расставил их по размеру. Каспар принялся о чем-то разглагольствовать, тыкая пальцем в пергаментный свиток.

Время от времени великий мудрец сбивался на храп, но его тут же будили.

– Да, я думаю, что это хорошая идея, – важно произнес Каспар, вытаскивая из колпака заостренную палочку. – Возможно, таким образом мы сможем... э-э-э... я забыл, что. Кто-нибудь помнит, о чем я говорю?

– Я не помню.

– И я тоже.

Мудрецы растерянно переглянулись, замолчали и задумались. Наконец Мельхиор озвучил общие мысли:

– Чем бы оно ни было, мы это сможем.

– Да, безусловно, – согласился Бальтазар.

Лузгающий семечки Колобков снова насторожился. Смахнул с губ налипшую шелуху и медленно выбрался из шезлонга.

– Чего опять удумали, деды? – мягко спросил он у мудрецов.

– Не мешай нам, о человек, чьего имени я не помню, – презрительно посмотрел на него Каспар. – Мы очень заняты.

– Кстати, а не желаешь ли ты, чтобы мы излечили тебе ногу? – опустил глаза Бальтазар. – Это не составит нам труда.

– Нет, спасибо, пока не хочу... – уклончиво ответил Колобков.

Он и сам уже неоднократно об этом задумывался. Спору нет, мудрецы с легкостью могут вернуть ему ногу. Даже им самим неизвестно, где пролегают границы их возможностей.

Только вот не факт, что они ограничатся одной лишь ногой. В свое время эта троица точно так же попыталась вылечить Угрюмченко сломанную руку. И вылечила – превратив его в беркута.

Нет уж, от такой медицины лучше держаться подальше. Хорошо, если всего лишь превратят во что-нибудь – а ну как взорвут ко всем чертям?

Если б у мудрецов хоть раз получилось именно то, что задумывалось, Колобков, возможно, и рискнул бы. Но такого пока что не происходило.

– Поговорим об этом в другой раз, – решил Колобков. – Сейчас, битте шон, скажите мне, что вы тут опять чудите. И только не говорите, что собираетесь просверлить палубу.

– Не скажем.

– Но это неплохая идея.

– Ты так думаешь?

– Я в этом совершенно уверен.

– А где же тогда будем стоять мы сами?

- Э-э-э... отойдем в сторонку. Почему нет? Нет, ты мне скажи, почему нет?
- Ну, я... хррр-пс-пс-пс...
- Не спи! Ты что, старый дурак, опять забыл, что мы собирались сделать?
- Не забыл. Хотя ты на всякий случай напomini.
- Да, и мне тоже.
- Ты тоже старый дурак. Вы оба старые дураки.
- А ты сам?
- А я просто старый.
- Но подождите, если мы просверлим палубу, то на чем же поплывем дальше?
- Да, это хороший вопрос...
- Может, наколдую лодку?
- Зачем? У нас же уже есть одна лодка.
- Наколдую другую.
- А зачем нам две лодки?
- Ты что, совсем ничего не понимаешь? Посмотри на свои руки – их две. Посмотри на свои ноги – их две. Посмотри на свои глаза...
- На глаза не получается!.. уффф...
- Может, вырезать их? Где мой нож?

- Посмотри на свои... посмотри на мои глаза – их две... два. Всего у нас по два. А лодка одна. Должно быть две.
- У нас не всего по два. Нос один. Рот один. Задница одна.
- Задниц две. Левая и правая.
- У кого мой нож?
- Это ягодич две. А задница одна.
- Но ягодич-то две.
- Одна задница состоит из двух ягодич. По-моему, это очевидно.
- Кто взял мой нож?
- Я-го... а на какую букву начинается это слово?
- Закрой свой дурацкий словарь, он тебя отвлекает.
- Хватит спорить. Я все решил. Мы наколдовываем вторую лодку. Сейчас же. Тот, кто против, может выйти.
- Куда?
- За борт.
- Не хочу. Я там уже был – там мокро и сыро.
- А разве это не одно и то же? Мокро, мокро, мокро... Сыро, сыро, сыро... А на какую букву они...
- Да закрой ты этот словарь!

Колобков устало почесал нос. Он уже привык к подобному. Когда Каспар, Бальтазар и Мельхиор заводят философскую беседу, это может продолжаться часами. Причем иногда в их белиберде даже слышатся отзвуки былой мудрости. Такие слабые-слабые, едва ощутимые.

– Мы все решили, колдуем! – рявкнул Бальтазар.

– Сила трех поможет нам! – тряхнул бородой Каспар, снимая колпак.

А Мельхиор ничего не сказал – только резко крутанул и-визой. Во все стороны хлынули потоки горячего воздуха.

Колобков попятился. У мудрецов над головами вспыхнули разноцветные огни. Три старика взялись за руки и пошли по кругу, словно в хороводе. На палубе прочертилась ярко-оранжевая окружность, оттуда брызнул ослепительный свет, что-то бумкнуло, колпак Каспара взмыл высоко в воздух...

И воцарилась тишина. Мудрецы удовлетворенно расцепили руки и подались назад.

А в магическом круге остались вещи. Целая груда всевозможного барахла. Какие-то тряпки, банки, бутылки, посуда, инструменты, продукты. Словно могучий смерч влетел в супермаркет, побушевал там минутку-другую и умчался, прихватив с собой добрую тонну товаров.

– Это не лодка, – задумчиво произнес Мельхиор.

– Как это не лодка? А что же тогда?

– Не знаю, но не лодка.

– Это не может быть не лодка. Ведь мы же вызывали лодку. Значит, это должна быть лодка.

– Ты мыслишь логично, но мои глаза говорят мне, что это не лодка.

– В таком случае твои глаза лгут.

– А что говорят твои глаза?

– Не твое дело.

Колобков подошел ближе, с интересом рассматривая нежданную добычу. Секундой спустя к нему присоединились Грюнлау и Зинаида Михайловна.

– Не знаю, кого эти старички ограбили на этот раз, но нам все это пригодится... – пробормотала Зинаида Михайловна. – Петя, крикни мальчиков, пусть помогут перетаскать в трюм.

Колобков лениво кивнул, копаясь в вещах. Пока что ничего особенно интересного – консервные ножи вкуче с консервами, плюшевые игрушки, канцелярские принадлежности, целая груда дешевеньких зажигалок...

– Кажись и вправду супермаркет выпотрошили... – хмыкнул Колобков. – Будет чем поторговать с папуасами... о!..

Он подался вперед и хищно схватил запотевшую жестяную банку.

– Пиво!.. – аж пустил слюну Колобков. – Пиво, пиво, пиво, пиво!!! Гюнтер, смотри, настоящее пиво!

– Но Петер, здесь же всего один банка, – сожалеючи произнес немец. – Как мы ее будем делить?

– Кто первый встал, того и тапки! – резко дернул за кольцо Колобков.

– Петер, ты же есть мой друг! – вскрикнул Грюнлау. – Поделись!

– Извини, Гюнтер, в кругу друзей хлебалом не щелкай!

Отпихивая приятеля палкой, Колобков принялся лихорадочно заглатывать холодный напиток. Грюнлау возмущенно завопил, пытаясь выхватить вожака банку.

Однако изжаждавшийся Колобков проявил неожиданные ловкость и силу. Он уже не видел перед собой лучшего друга – его сменил фашист, пытающийся отнять пиво. Захлебываясь и давясь, Колобков что есть силы стукнул Грюнлау палкой по плечу – тот болезненно вскрикнул и отступил.

– Ууууууууу!.. – выдохнул Колобков, сминая пустую банку и благодушно улыбаясь. – Да-а-а-а... Человек не понимает, как прекрасно пиво, пока не лишится его...

– Петер, ты есть habs?chtig...

– Да ладно тебе, Гюнтер, не парься, – дружески приобнял немца за плечо Колобков. – Давай лучше еще пороемся – может, другую банку найдем.

– Но тогда ее выпью я!

– Ну это уж как получится... – отвел глаза Колобков.

Другой банки найти не удалось. Зато Колобков вытащил из кучи кое-что еще. Сначала ему показалось, что между упаковкой одноразовых тарелок и игрушечным динозавриком торчит перчатка. Потом – что кусок сырого мяса. Но когда он вытянул эту штуку целиком, ухватив за палец...

– Что это?! – взвизгнула и отшатнулась Зинаида Михайловна.

– Рука... – глупо моргнул Колобков. – Отрубленная... Еще теплая...

– Брось сейчас же эту гадость!!!

– М-да, ну наши деды опять дали стране угля, – задумчиво произнес Колобков, даже не думая бросать руку. – Не повезло же какому-то мужику...

– Знаешь, Петер, по-моему, она женская, – наклонился поближе Грюнлау.

– Почему это?

– Ногти крашеные. Маникюр.

– Ну и что? Может, гомик какой-нибудь!

– Вы что, так и собираетесь ее держать?! – сквозь зубы процедила Зинаида Михайловна. – Выкиньте немедленно!

– Хозяину бы ее вернуть... – почесал в затылке Колобков, но тут же сообразил, насколько глупо это звучит. – Ладно, хрен с ней. Зиночка, выкинь, пожалуйста.

– Не тычь мне это в лицо! – отшатнулась супруга. – Сам выкинь!

– Дайте мне, шеф, – пробасил Гена, аккуратно принимая у Колобкова неприятную находку. – Куда ее прикажете?..

– Да за борт кинь. Пусть рыбы кушают.

Гора предметов, доставленная волшебством неизвестно откуда, продемонстрировала немалое разнообразие. Диву даешься, гадая – в каком же месте могли собраться настолько разные предметы? Чье-то жилище? Магазин уцененных товаров? Блошинный рынок? Скорее всего, что-то подобное. В обычных магазинах редко соседствуют посудные ершики и старинные канделябры, фотоаппараты и вельветовые джинсы.

Не подлежит сомнению одно – все это происходит с родной Земли. Три мудреца в очередной раз запустили лапу в мир, который некогда покинули.

Копаясь в груде вещей, Колобков наткнулся на занятную штуковину – кожаный пояс с двумя револьверными кобурами. А в них – револьверы с полными патронами барабанами.

Это Колобкова очень заинтересовало. Он примерил пояс и довольно крякнул – тот сошелся на талии так идеально, словно всегда здесь и был. Опираясь на трость левой рукой, Колобков залихватским ковбойским жестом выхватил револьвер и прищурился, целясь в невидимого противника.

– Нравится! – ухмыльнулся он, возвращая оружие в кобуру. – Мое будет!

– Зачем тебе это, Петя? – покачала головой Зинаида Михайловна.

– На всякий пожарный. А то хожу, как чмо, невооруженный.

– Тебе что, Геннадия с Валерием мало?

Телохранители кивнули в унисон, глядя на шефа с некоторой обидой.

– Ну а мало ли что в жизни бывает! – капризно взмахнул ручкой Колобков. – Вон, смотри, что мне негры проклятые с ногой сделали! Оттяпали ведь на хрен, сукины дети! А был бы у меня тогда короткоствол – все могло бы сложиться иначе!

Стефания громко щелкнула хвостом. Колобков только теперь обратил внимание, что чертовка даже не посмотрела на очередное чудачество мудрецов. До сих пор стоит у борта с биноклем. И Чертанов рядом – причем выглядит даже несчастнее обычного.

– Ну?.. – коротко спросил капитан корабля.

– Плыдем над Таннином, – спокойно ответила Стефания. – Я решила, что вам следует это знать.

– Надо было сделать крюк, – пробормотал Чертанов, переплетая пальцы. – Надо было все-таки сделать крюк. Ты могла бы и раньше сказать, что такое Таннин...

– Если хочешь, чтобы кто-то регулярно предупреждал тебя об опасности, заведи ангела-хранителя. А я не по этой части. Больше не по этой.

Помогая себе тростью, Колобков проковылял к этой парочке, перегнулся через фальшборт и внимательно посмотрел на воду. Ничего особенного. Вода как вода. Вокруг тоже ничего особенного – только скалистые рифы торчат в нескольких местах.

– Самый малый ход, Василич! – крикнул в сторону рубки Колобков. – На риф не наскочи!

– Не учи кильку плавать, Иваныч! – гаркнул в ответ штурман.

– Ладно, хвостатая, объясняй мне, тупому, – дружелюбно высморкался в воду Колобков. – Что это за байда такая – Таннин?

– Мы сейчас над ним плывем.

– Это я понял. Дальше. Это что – вулкан подводный?

Чертанов нервно засмеялся.

– Серега, хорош над начальством потешаться, – строго посмотрел на него Колобков. – Уволю на хрен. А вы объясняйте уже, гражданин черт. А то я ни хрена вокруг подозрительного не вижу, кроме гребаных островков.

– Эти островки – это и есть Таннин, – усмехнулась Стефания. – Та его часть, которая видна.

– В смысле?

– Таннин – это исполинское чудовище, спящее на дне океана. Он на семь восьмых зарылся в землю, но он так огромен, что его спинные шипы все равно торчат из воды.

– Кххххххх... – отвисла челюсть у Колобкова. – Вот это ж ни хрена себе черепашка!

– Почти сорок километров в высоту. И примерно сто сорок – в длину.

– А в ширину? – зачем-то спросил Колобков.

– Столько же. Таннин круглый. Если смотреть издалека, он действительно похож на огромную черепаху. С лапами и хвостом.

– А головы что, нет?

– Есть. И пасть тоже есть. Такая огромная, что поместится целый остров.

Колобков невольно сглотнул, уже совершенно иначе глядя на скалистые рифы, медленно плывущие мимо бортов. Шипы панциря колоссального чудовища. Чудовища, способного уничтожить всю Москву, просто усевшись на нее задницей.

– А он... не очень злой? – как-то очень жалобно спросил Колобков.

– Не бойся, – с легким презрением посмотрела на него Стефания. – У Таннина сейчас период спячки. Он девять тысяч лет спит, а потом девять тысяч лет бодрствует. Вот когда он проснется, то выкопается и...

– Уплывет?..

– Улетит.

– Такая громадина?! У него что, и крылья есть?!

– Нету.

– Тогда как...

– Таннин – хтоническое чудовище. Из самых крупных. Ты даже не представляешь, что это такое, смертный. Даже не представляешь, на что эти монстры способны...

– И мне это все равно, – перебил ее Колобков. – Когда эта Тортилла проснется?

– Таннин спит уже семь тысяч лет. Осталось еще две тысячи.

– И не раньше? У него будильник точный?

– Ну, плюс минус несколько сотен. Но в ближайшее тысячелетие точно не проснется.

– А он не заворачается во сне? Не захрапит?

– Последний раз Таннин ворочался сто пятьдесят лет назад. Это породило колоссальную волну цунами, обрушившуюся на близлежащие острова и снесшую все прибрежные поселения. Кстати, именно из-за Таннина на всех ближайших островах почти никто не живет. Исключение – У-л’тра-лет, но л’тра умеют защищаться от стихийных бедствий.

– Нет, надо было все-таки сделать крюк... – пробормотал Чертанов, глядя вокруг несчастным взглядом.

– Поздно пить боржоми, когда почки отвалились, – угрюмо произнес Колобков.

«Чайка» взяла самый малый ход. Вода здесь довольно мутная, и никто не мог сказать, как много ее лежит между корабельным днищем и спиной исполинского чудовища.

Сесть на мель в таком месте – хуже и не придумаешь.

За бортом проплывали все новые скалистые островки. Одни совсем небольшие – так, рифы, едва торчащие из воды. Другие довольно крупные.

Спинные шипы Таннина неодинаковы по размеру.

И невольно задумываешься – а нет ли у него и других шипов, еще меньше? Не напорется ли «Чайка» на один из таких рифов, скрытых под водой?

Колобков беспокойно курсировал взад-вперед, от борта к борту, помогая себе тростью. У правого борта его неизменно встречали разнесчастный Чертанов и ехидно скалящаяся Стефания. У левого – побледневшая до полусмерти супруга и что-то бормочущий на родном языке Грюнлау. По пятам за шефом чеканили шаг телохранители, а следом за ними семенил здоровенный беркут.

Спокойными остались только дети, которые пока просто не знали, что происходит. Все четверо сейчас где-то в недрах яхты, занимаются своими делами. Кажется, в куче добра, наколдованного мудрецами, они нашли нечто очень для себя ценное. Видеоприставку или что-то наподобие – Колобков не

вглядывался.

И, конечно же, Каспар, Бальтазар и Мельхиор тоже не проявляли волнения. Им никто ничего не сказал. Но даже если сказать – вряд ли эта троица хоть чуть-чуть обеспокоится по такому пустячному поводу.

Ведь это же не Таннин украл их бесценную башню – так чего же о нем тревожиться?

– Я не знаю, что вы делаете, но вы делаете это неправильно, – брюзгливо заявил Бальтазар, глядя на снующего туда-сюда Колобкова.

– А?! Что?! – встрепнулся Каспар. – Я требую немедленно объяснить мне, что здесь... хррр-пс-пс-пс...

– Под нами большая черепаха, – неожиданно заявил Мельхиор.

Колобков напряженно замер. С каким удовольствием он бы сейчас шарахнул этого старого негра палкой!

Останавливает лишь то, что Мельхиор этого даже не почувствует. В него можно смело стрелять хоть из пушки.

– Откуда ты знаешь, что под нами большая черепаха? – усомнился Бальтазар, поворачиваясь к Мельхиору.

– Я слышу, как она говорит со мной.

– Да? И что она говорит?

– Не знаю. Я не понимаю черепашьего языка.

– Другого я от тебя и не ожидал. Тогда сам ей что-нибудь скажи.

– Что?

– Что-нибудь.

– Скажите, что я не отказался бы попробовать черепашьего супчика! – встрепенулся Каспар.

– Ладно, – добродушно кивнул Мельхиор, закрывая глаза и начиная утробно мычать.

Колобков схватился за сердце. Не находя слов, он вскинул трость, сам не зная, что собирается сделать – наорать ли на мудрецов или просто запустить в них чем-нибудь тяжелым.

Но в следующую секунду он думать об этом забыл. Потому что палуба резко ушла из-под ног, отшвыривая собственного владельца к борту.

Чертанов тоже не удержался в вертикальном положении, кубарем покотившись куда-то вниз. Зинаида Михайловна тонко закричала, вцепившись в поручни. Гена и Валера тревожно загудели, широко расставив ноги, стоя спиной к спине. Угрюмченко забил крыльями, взмывая высоко в воздух.

– Доигрались, дурачье?! – взвыла Стефания, усаживаясь на фальшборт, как кошка на забор. – Таннин разозлился! Он пробуждается!!!

Глава 7

Море на глазах чернело. При полном отсутствии ветра волны ходили ходуном, превращаясь в огромные буруны. Дикое зрелище – в воде шторм, в воздухе штиль. Сорокаметровую яхту крутило и подбрасывало, как крошечную скорлупку. Через борта переливались целые потоки, палубу захлестывало.

А скалистые рифы вокруг дрожали и тряслись, как при сильнейшем землетрясении. Под водой началось какое-то движение, там шевелилась туша колоссальных размеров...

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/rudazov_aleksandr/tayna-pohischennoy-bashni

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)